

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Russian-Armenian University
Kuban State Technological University
Kuban State University
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation

**ETHNOCULTURAL IDENTITY
AS A STRATEGIC RESOURCE
OF CONSCIOUSNESS OF SOCIETY
IN THE CONDITIONS OF GLOBALIZATION**

Materials of the VII international scientific conference
on September 28–29, 2019

Prague
2019

Ethnocultural identity as a strategic resource of consciousness of society in the conditions of globalization: materials of the VII international scientific conference on September 28–29, 2019. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2019. – 53 p. – ISBN 978-80-7526-410-7

ORGANISING COMMITTEE:

Asya S. Berberyan, doctor of psychological sciences, professor, head of the psychology department at Russian-Armenian State University.

Nara R. Akopyan, doctor of psychological sciences, professor, head of the department of social psychology of the International Scientific-Educational Center of NAS RA.

Suren G. Oganessian, doctor of philosophical sciences, head of the philosophy department at Russian-Armenian University.

Valeriy G. Sidorov, doctor of philosophy, professor, head of the philosophy department in the Kuban State University, honorary worker of higher professional education, honored science worker of Kuban.

Leonid V. Karanushenko, doctor of historical sciences, head of the philosophy and sociology department in the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Lyudmila N. Ozhigova, doctor of psychological sciences, professor of the general psychology department at Kuban State University.

Oganes L. Sarkisyan, candidate of philosophical sciences, head of the politology department at Russian-Armenian University.

Oksana R. Tuchina, candidate of psychological sciences, assistant professor of the philosophy department at Kuban State Technological University.

Ivan A. Apollonov, candidate of philosophical sciences, assistant professor of the philosophy department at Kuban State Technological University.

Ilna G. Doroshina, candidate of psychological sciences, assistant professor, chief manager of the SPC «Sociosphere».

Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures, quotations, statistics, proper names and other information.

These Conference Proceedings combines materials of the conference – research papers and thesis reports of scientific workers and professors. It examines ethnocultural identity as a strategic resource of consciousness of society in the conditions of globalization. Some articles deal with ethnic identity as an interdisciplinary research subject. A number of articles are covered problem of ethnic identification in multicultural space. Some articles are devoted to development of ethnic and personal identity in the context of intercultural exchange. Authors are also interested in ecology of culture and problem of ethno-cultural identity.

UDC 316.3

ISBN 978-80-7526-410-7

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», 2019.

© Group of authors, 2019.

CONTENTS

I. ETHNIC IDENTITY AS AN INTERDISCIPLINARY RESEARCH SUBJECT

Kolosova O. Yu.

Ethnic identity: formation in the context of interdisciplinary approach.....5

II. THEORETICAL BASIS OF RESEARCHING ETHNIC IDENTITY OF A PERSONALITY

Апанасенко О. М.

Этническая идентичность как часть поликультурного пространства.....9

III. PROBLEM OF ETHNIC IDENTIFICATION IN MULTICULTURAL SPACE

Макарова Н. Н., Макарова В. Х.

Этноязыковые особенности в региональной образовательной политике: на примере Канады 12

Тимошина Е. А.

О проблемах, связанных с этнокультурной идентичностью и её влиянии на мультинациональный состав китайского общества (на примере Китайской Народной Республики) 16

IV. STATES AND SOCIETIES IN SEARCH OF REGIONAL IDENTITY

Sielicka E., Choma A., Kowalczyk D.

Academic plagiarism as the biggest problem of Polish universities22

Sielicka E., Choma A., Kowalczyk D.

Benefits of introducing the E-Codex project for enterprises..... 24

Sielicka E., Choma A., Kowalczyk D.

Event organization and management team building..... 26

Sielicka E., Choma A., Kowalczyk D.

The effectiveness of the service process in the context of achieving quality objectives on the example of "T-Car" company 28

Sielicka E., Choma A., Kowalczyk D.	
Transport market in Poland.....	31
Плотичкина Н. В.	
Сельская идентичность как «идентичность с местом»	34

V. ETHNIC-CULTURAL PRINCIPLES AND VALUES IN FORMING PERSONAL IDENTITY

Goncharov V. N.	
Cultural values in the development of an individual ethnic identity.....	39

VI. DEVELOPMENT OF ETHNIC AND PERSONAL IDENTITY IN THE CONTEXT OF INTERCULTURAL EXCHANGE

Болдырева О. М., Плеснякова В. Н.	
Проблемы и перспективы эволюции европейской идентичности	43
План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана и Чехии на базе Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» в 2019 году	49
Информация о научных журналах	50
Издательские услуги НИЦ «Социосфера» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»	51
Publishing service of the science publishing center «Sociosphere» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»	52

I. ETHNIC IDENTITY AS AN INTERDISCIPLINARY RESEARCH SUBJECT

ETHNIC IDENTITY: FORMATION IN THE CONTEXT OF INTERDISCIPLINARY APPROACH

O. Yu. Kolosova

*Doctor of Philosophical Sciences,
assistant professor,
Stavropol branch of Krasnodar University
of Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation,
Stavropol, Russia*

Summary. The concept of ethnic identity is one of polemic subjects in scientific researches. This is due to the variety of scientific approaches to the study of the concept. Ethnic identity is a special type of social activity that involves identifying oneself as a member of a particular ethnic group.

Keywords: ethnicity; ethnic selfconsciousness; culture; personality; worldview; socialization.

In the scientific literature, ethnic identity is interpreted as the consciousness of the community of people, based on the ideas about their nationality, language, culture, history, territory, interests, emotional attitude towards them and, under certain conditions, readiness to act in the name of these ideas. In the context of globalization, ethnic identity is often interpreted as a manifestation of traditionalism. Ethnic identity is an integral part of general social identity, a psychological category that refers to the awareness of one's belonging to a certain ethnic community [2, p. 142–145].

Ethnic identity is considered by a reality predetermined by historical basis of the development of the society [4, p. 118–124]. Cultural experience, values, knowledge acquired by this society in a certain environment are perceived by subsequent generations as a reality – as institutions dictating norms, attitudes, values for a particular ethnic group [7, p. 139–144].

Analysing studies of ethnic identity within the framework of various scientific and research practices and studying different approaches, many researchers state that ethnic identity is an internal, subjective-symbolic aspect of ethnicity, expressing in awareness and experience of personality his or her belonging to a certain ethnic group. It is based on a set of national symbols and signs [14, p. 39–44].

As for a term of ethnic identity, some researchers underline that there is also an ethnic identity among a number of identities, concerned as an identification of themselves with an ethnic group. This understanding of ethnic identity is not so different from the ethnic identity. The difference lies only in

the understanding of ethnicity and ethnic group. But it seems insufficient to introduce the term ethnic identity into Russian if there is almost ideal concept of ethnic self-consciousness [10, p. 37–40].

Analysing the existing concepts of ethnic identity, it is possible to formulate a definition of ethnic identity as an identification of personality with a certain ethnic community [12, p. 282–284].

The main indicators used by domestic researchers in measuring the level of ethnic identity are culture, customs, ceremonies, religion [8, p. 18–22]. In the context of the characteristic signs of ethnic identity in the post-Soviet era, such concepts as state identity, Russians, Russian identity are used. According to researchers, ethnic identity, as well as a state identity, is in fact not only understood as self-identification, but also as a view of its people, language, culture, territory, interests, and also emotional attitude towards them and, under certain conditions, readiness to act in the name of these ideas. In the context of globalization, ethnic identity is more often interpreted as a manifestation of tradition, and civil identity is more often interpreted as a manifestation of our times [3, p. 80–85].

In the structure of ethnic identity, two main components are usually allocated: cognitive (knowledge, ideas of peculiarities of one's own group and self-perception as its member on the basis of certain characteristics) and affective (assessment of qualities of one's own group, membership in it, significance of this membership) [13, p. 73–78].

Within the framework of study of ethnic identity structure, a concept of ethnicity should also be considered. In the scientific literature, ethnicity and ethnic identity are sometimes considered as equal concepts. Ethnicity is understood as a co-social unity, while ethnic entity – as a spiritual entity, knowing of collective distinction, ideas of a single territory, a single origin, language and culture, historical memory, ethnic stereotypes, which vary depending on the situation [16, p. 241]. There is also a view in scientific discourse that ethnicity is a spiritual and valuable element of objective reality – civilization space [11, p. 29–31]. This is of particular importance, because in multicultural Russia ethnic identities show the unique cultural and adaptive experience of peoples and thus correspond to modernization processes of our times, preserving moral integrity of tradition during conflict situations [5, p. 43–46].

Formation of the notion of ethnic identity involves study of different concepts and approaches in the psychological, cultural, sociological scientific and research practices, as well as in social philosophy [1, p. 83–86].

In the psychological scientific and research practice, ethnic identity is considered as a sociocultural and social-psychological phenomenon that connects cognitive and affective representations and experiences of personality about ethnic groups arising in the real acts of interaction with their own and other ethnicities. Psychology also focuses on issues of ethnic self-identification as a joint act of ethnic self-determination of a person in the context of classification of himself as a common ethnic community [6, p. 27–30].

In the cultural scientific and research practice, the concept of ethnic identity implies the inclusion of such concepts as norms of morality, artistic and aesthetic achievements, learning of language, traditions, formation of self-consciousness, worldview, spiritual world, their continuity, which ensures the continuity of human existence at different times, preserving relationship between past, present and future and stability of human existence [9, p. 123–128].

In the sociological approach, ethnic identity is considered as a key element of subjective reality, which is supported by mechanisms of social construction, functioning and transfer of knowledge. Ethnic identity within the framework of this approach functions due to ethnic categories and ethnic systems of classifications learned by a person in the process of social integration.

In the context of a social and philosophical approach philosophical understanding of phenomenon of ethnic identity is of extreme actuality. Ethnic identity is neither a genetic property of a person, nor an instrument of conscious selection of a person. A person as a language individual acts as a carrier of ethnic properties [15, p. 82–89].

There are three main approaches to the study of ethnic identity: primordialist, instrumentalist and constructivist approaches. Constructing the concept of ethnic identity through a primordialism prism, one can mark its following basic position: ethnicity is an inherited quality of a person. The instrumentalist understanding of ethnic identity emphasizes the denial of the ontological status of social phenomena, ethnic identity is considered as a mean towards a concern. The constructivist approach considers ethnic identity as a product of social activity, a result of social relations between people.

Bibliography

1. Бакланов И.С. Социокультурное и коммуникативное наполнение понятия рациональности в современной социальной философии // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. - 2011. - № 5. - С. 83-86.
2. Бакланова О.А. Методологические измерения социальности в современной социально-теоретической рефлексии // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. - 2013. - № 2. - С. 142-145.
3. Болховской А. Л., Говердовская Е. В., Ивченко А. В. Образование в глобализирующемся мире: философский взгляд // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2013. - № 5. - С. 80-85.
4. Говердовская Е. В., Добычина Н. В. Взаимные референции между реальным и виртуальным пространством: новая коммуникационная среда // Социально-гуманитарные знания. - 2014. - № 7. - С. 118-124.
5. Гончаров В. Н. Концепция «информационного общества»: социально-философский анализ // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2009. - № 1. - С. 43-46.
6. Гончаров В. Н. Социальная концепция информационного общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. - № 6-2 (12). - С. 27-30.
7. Деркачев Г.И., Бакланов И.С. Проблемы и истоки легитимации власти в современной России // Социально-гуманитарные знания. - 2009. - № 9. - С. 139-144.

8. Ерохин А. М. Религиозное сознание в контексте общественных отношений // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2015. - № 2 (81). - С. 18-22.
9. Ерохин А. М. Научно-информационный аспект исследования социокультурного развития общества в области культуры и искусства // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2015. - № 2. - С. 123-128.
10. Камалова О.Н., Джигоева Д.А. Перспективы развития сенсорных технологий и проблема расширения чувственных возможностей человека // Северо-Восточный научный журнал. - 2011. - № 1. - С. 37-40.
11. Камалова О. Н. «Созерцание» в философско-культурологических построениях И. Ильина // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2012. - № 6. - С. 29-31.
12. Лобейко Ю. А. Социальная активность личности в обществе: социально-педагогические аспекты формирования // European Social Science Journal. - 2014. - №7-2 (46). - С. 282-284.
13. Лобейко Ю. А. Социально-психологические проблемы общения в контексте межличностных общественных отношений // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2015. - № 4. - С. 73-78.
14. Матяш Т.П., Несмеянов Е. Е. Православный тип культуры: идея и реальность // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2015. - № 3 (82). - С. 39-44.
15. Месхи Б.Ч., Несмеянов Е.Е. Теология или лженаука: что на самом деле разрушает отечественное образование // Гуманитарные и социальные науки. - 2014. - № 4. - С. 82-89.
16. Микеева О. А. Анализ методологии и направлений исследований современной социальной реальности // Социально-гуманитарные знания. -2009. - №9. - С. 241.

II. THEORETICAL BASIS OF RESEARCHING ETHNIC IDENTITY OF A PERSONALITY

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ЧАСТЬ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

О. М. Апанасенко

*Аспирант,
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический
университет,
г. Пермь, Россия*

Summary. This article discusses ethnic identity as part of a multicultural space. The relevance of the study lies in the aggravated contradictions of social reality and the formation of a multi-ethnic society. Some types of identity are considered.

Keywords: identity; multicultural society; ethnos; positive ethnic identity.

Сегодня поликультурное пространство предстает как объективная реальность. Она касается не только сферы образования, но и всего мира в целом, наделяя окружающее изменчивостью. Культура, претерпевающая сегодня глобальные трансформации, иначе выстраивает взаимосвязь собственных элементов: горизонта районирования (конкретного локуса), метатекста (в культурном понимании) и места человека (как нового концептообразующего элемента образовательного пространства).

Поликультурное пространство является сложной интегральной системой. Она позволяет индивиду выстраивать многомерные отношения; воспроизводить и развивать культуру; наделять ее новыми смыслами; самоопределяться и осуществлять интериоризацию ценностей культуры. В этом контексте поликультурное образовательное пространство меняется в историческом развитии культуры и требует создания новых, современных условий для развития и обучения успешной личности. Оно становится специально организованной социальной средой, основанной на принципе культурного плюрализма, внутри которой субъекты находятся в равном положении и могут бесконфликтно взаимодействовать. Следовательно, поликультурное образовательное пространство появляется там, где есть полиэтничное общество, в котором этносы и культуры не испытывают дискриминации по отношению друг к другу.

Полиэтническое общество не предстает в виде пёстрой картины, каждый фрагмент которой обособлен. Межкультурное взаимодействие является его главной особенностью. При этом формируется то, что обычно принято называть «культурной идентичностью» – это базовый фактор разви-

тия полиэтничных обществ. В психологии под «культурной идентичностью» понимают свойство психики в концентрированном виде выражать для личности то, как она представляет себе свою принадлежность к различным социальным, национальным, языковым, религиозным, расовым и иным группам /общностям. Также это отождествление себя с группой или общностью, восприятие себя как части целого [1, с. 26].

Но кроме культурной идентичности, мы также обладаем и этнической идентичностью. Она является важнейшим признаком этноса. Осознание этнической идентичности заключается в том, что человек сознает себя русским, англичанином, якутом, украинцем и т. д. Ему очевидна и понятна генетическая и историческая связь с членами своей общности. Г. У. Солдатова указывает, что идентификация по этносу имеет три составляющие: этническая принадлежность, необходимость в позитивной этнической идентичности и этническая безопасность, что определяет стремление индивида к статусной определенности [3].

Разберем некоторые типы этнической идентичности, опираясь на классификацию Г. В. Солдатовой.

Позитивная (нормальная) идентичность представляет собой гармоничный баланс толерантности в отношении как иным этническим группам, так и к своей собственной. Позитивная этническая идентичность является залогом стабильного и неконфликтного существования различных этнических групп в поликультурном пространстве. При этом типе идентичности личности свойственно предпочтение своей этнической группы, при сохранении возможности контактов с другими.

Этноцентричная идентичность характеризуется стремлением к замкнутости группы, принадлежность к которой осознается как нечто очень значимое. Личность с таким типом идентичности некритично мыслит по отношению к своему народу. Возможна агрессия к другим.

Люди с *этнодоминирующей идентичностью* рассматривают интересы своей национальной группы как наиболее важные, что может вызывать напряжение и даже конфликты при общении с другими группами.

Крайней формой идентичности является *этнофанатизм*. Такая личность или группа готова идти на любые действия во имя этнических интересов, вплоть до этнических «чисток», отказа в праве пользования ресурсами и социальными привилегиями другим народам, признание приоритета этнических прав народа над правами человека, оправдание любых жертв в борьбе за благополучие своего народа [2, с. 44–48].

Этническая индифферентность проявляется в выражении равнодушия в этносу вообще.

Сформированный *этнонигилизм* зачастую связан с чувством этнической неполноценности, стыдом за представителей своего этноса. В этом случае человек не желает связывать себя с той или иной этногруппой или рассматривает человечество как единое целое.

Амбивалентная (противоречивая) идентичность свойственна людям, ощущающим себя представителем нескольких этнических групп, например, детей, выросших в билингвальных, полиэтнических семьях.

Задача поликультурного образовательного пространства заключается в том, чтобы формировать позитивную этническую идентичность, толерантное сообщество как залог бесконфликтного сосуществования культур будущего и настоящего.

Библиографический список

1. Арутюнян Ю. В. Дробижева Л. М., Сусоколов А. А. : Этносоциология. - М.: Аспект-Пресс, 1999. - 271 с.
2. Солдатова Г. В. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. - 389 с.
3. Культурная идентичность: понятие, процесс формирования, значение. URL: <https://fb.ru/article/281242/kulturnaya-identichnost-ponyatie-protsess-formirovaniya-znachenie> (дата обращения: 22.09. 2019)

III. PROBLEM OF ETHNIC IDENTIFICATION IN MULTICULTURAL SPACE

ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ: НА ПРИМЕРЕ КАНАДЫ

Н. Н. Макарова
В. Х. Макарова

*Учителя,
Гимназия № 4,
г. Елабуга,
Республика Татарстан, Россия*

Summary. The paper offers reflection exercise of the language pluralism implementation in the frame of the language policy of the federative countries as a variant of solving ethnic, linguistic, social, and international problems in the global world. The paper compares the language policy from the point of view of introducing alternative models of the bi and multilingual education in the educational system of Canada. The analysis of the language management in the field of education and alternative pads of language engineering assists in improving the federal states language policy.

Keywords: language policy; language pluralism; language education; regional education system.

Наряду с другими глобальными вызовами феномен мультикультурализма в современном обществе стал предметом особого интереса для исследователей, в том числе и педагогического сообщества. Современная педагогика говорит об этническом многообразии в образовательном процессе как об инструменте для обеспечения стабильности в обществе и сохранении всего культурного богатства [9]. В соответствии с принципом мультикультурализма в образовании как одного из современных вариантов решения этнических конфликтов, материалы об этнических меньшинствах, исторические факты мирового и регионального значения, общие сведения об их культуре, традициях должно адаптироваться в учебно-методический комплекс [1; 2].

Мультилингвальная образовательная среда предлагает ситуацию, в которой студент может иметь различные уровни языковых компетенций языка/языков обучения.

В Канаде многоязычное обучение предполагает освоение родного языка и двух государственных языков. Наиболее популярная модель билингвального обучения является *early total immersion* [5; 11]. Модель практикуется в двух вариантах: 1. вариант обогащения – используется англоязычным населением при изучении французского языка. В этом случае обучение идет интенсивно, в атмосфере использования французского языка как языка преподавания; 2. вариант перехода состоит в том, что дети из

национальных меньшинств постепенно приобщаются к французскому и английскому языкам. При этом большая часть учебной программы преподается на официальных языках, а остальная – на языке меньшинств. Но несмотря на такую активную работу в контексте би (мульти)лингвального обучения в Канаде 17,9 % (6,216,070) населения показывают знание государственных языков (английского и французского), когда как 68,9 % владеют только английским, 11,9 % владеют только французским, 1,9 % не владеют государственными языками [7; 8].

Миграционная составляющая значительно влияет на расовую, этническую и языковую ситуацию в стране. В Онтарио (провинция Канады) почти 30 % населения называют родными языками неофициальные языки (английский, французский) Канады. Реалии, предложенные в контексте би- и мультикультурализма ставит перед государством задачу создания модели политически стабильного и сплоченного гражданского сообщества. Вопрос языка в би- и многонациональных обществах, затрагивая все слои социальной жизни, рассматривается на уровнях идеологии, политического процесса и все чаще выходит за рамки определенных регионов и даже стран, становясь проблемой межгосударственных, межнациональных отношений. В рамках данной статьи предлагается анализ основных документов, регламентирующих введение принципов мультикультурализма и языкового плюрализма в контекст билингвального образования, внедряемых по законодательной инициативе the Department of Education of Ontario. А также исследуются программы и инициативы, реализуемые образовательными организациями Калифорнии и Онтарио таких, как Ontario Multilingual Education (OME) [5; 6].

В рамках рассмотрения вопроса языкового плюрализма в образовательной среде провинции Онтарио (регион Канады) были изучены «Канада-Онтарио соглашение об образовании на языке меньшинств и втором официальном языке обучения 2013–2014 до 2017–2018» и «План действий» – протокол о соглашениях по образованию на языке меньшинств и второму языку обучения 2013–2014 до 2017–2018 между правительством Канады и Советом министров образования, Канада» (СМЕС).

Поскольку Закон о официальных языках был принят в 1969 году, правительство Канады вносит финансовый вклад в дополнительные расходы, понесенные провинциями и территориями каждый год для обучения на языке меньшинства и преподавания второго официального языка.

Соглашение между правительствами Канады и ее провинцией Онтарио ссылается на следующие законодательные документы: *Canadian Charter of Rights and Freedoms* и *the Official Languages Act*. В соответствии с Разделом 23 Канадской хартии прав и свобод признается право канадских граждан, принадлежащих к меньшинствам (англоязычным или франкоязычным) на получение начального и среднего образования в учебных заведениях на языке меньшинства, предоставляемых за счет государственных средств. Онтарио признают важность изучения французского языка

как второго языка, а Онтарио в рамках своей юрисдикции в области образования соглашается содействовать этому обучению в рамках вторых программ официального языка, которые он предоставляет в Онтарио.

В контексте данного документа понятия «язык меньшинства», «второй официальный язык» и «второй язык» относятся к двум официальным языкам Канады: английскому и французскому языкам. «Второй язык» означает, в зависимости от обстоятельств, второй официальный язык, английский или французский. В контексте Онтарио язык меньшинства относится к французскому, а второй – к французскому. По условиям данного соглашения предполагается софинансирование проектов, инициированных в «Action plan» [4].

Студенты в государственных школах Онтарио с английским языком как языком обучения обязаны изучать французский с 4 по 8 классы. Министерство образования предлагает три программы FSL:

- Core French – Студенты изучают французский язык как предмет. Все 60 школьных советов на английском языке предлагают Core French, что является обязательным с 4 по 8 классы.

- Extended French – Студенты изучают французский язык как предмет, а французский язык является языком обучения одного и более предметов. На начальном уровне обучения студенты должны 800 ч. (7 кредитов) французского языка.

- Французское погружение. Студенты изучают французский язык как предмет, а французский язык является языком обучения двух и более предметов. На начальном уровне обучения студенты должны 1000 ч. (10 кредитов) французского языка, на среднем уровне; четыре предмета являются языками курсов FSL, а шесть предметов, в которых французский язык является языком обучения. Три программы FSL предоставляют учащимся различную интенсивность в развитии своих знаний, навыков и мастерства на французском языке. Эти программы также помогают студентам развивать понимание французского языка и французской культуры в Канаде и мире.

Целью сообществ является повышение функциональной мощности языкового разнообразия изучаемого регионов через общедоступных форумов онлайн и офлайн, работая с заинтересованными сторонами и специалистами в области образования и с родителями и семьями, заинтересованными в мультилингвальном образовании.

Ставятся следующие задачи:

- 1) лоббировать правительства регионов, в более широких возможностях обучения на не государственных языках;

- 2) поддержка студентов, родителей и педагогов в создании и участии в многоязычных образовательных программах для разного уровня образования;

- 3) повысить информированность и доверие общественности к возможностям обеспечения равного доступа к многоязычному образованию к высококачественным и инновационным образовательным программам в

независимости от географии проживания и социально-экономического статуса.

Заключение.

Опыт Канады в поддержке языков, имеющих статус государственного и регионального достаточно интересен для России.

По мнению многих экспертов [3; 5; 10], многоязычие способствует:

- креативности и познавательной гибкости ребенка;
- повышает культурную осведомленность учащихся и позволяет им испытать литературы и искусства на другом языке;
- расширяет возможности обучения и карьерного роста студентов;
- для студентов, говорящих на родном языке, сохранение первого языка (родного) способствует поддержке жизненно важных общественных и семейных связей и сохранению социокультурной коммуникации, тем самым способствуя личному и социальному благополучию.

Библиографический список

1. Антонова В. Мультикультурализм: идеология, политика и культурный код современности / В. Антонова; Центр социальной политики и гендерных исследований. М. : Вариант, 2012. 118 с.
2. Кечерукова М.А. Создание полиязычной образовательной среды. Опыт Тюменского государственного нефтегазового университета // XLV Международная филологическая научная конференция, Санкт-Петербург, 14–21 марта 2016 г.: Тезисы докладов. СПб, СПбГУ, 2016.
3. Билингвизм и полилингвизм в сфере высшего образования // Высшее образование в России. 2006. № 9. С.82 – 85.
4. Молчанова Л.В. Обучение второму иностранному языку в условиях формирования функционального многоязычия в языковом вузе. Автореферат дисс.... канд. пед. наук. Рязань, 2009.
5. Канарш Г. Ю Мультикультурализм: социальная концепция и социальные практики / Г. Ю. Канарш [Электронный ресурс]. URL: http://www.zpu-journal.ru/zpu/contents/2011/1/Kanarsh_Multiculturalism.
6. Agirdag, O. (2014). The literal cost of language assimilation for the children of immigration: The effects of bilingualism on labor market outcomes. In R. Callahan & P. Gándara (Eds.), *The bilingual advantage: Language, literacy and the U.S. labor market* (pp. 162–182).
7. Council of Chief State School Officers (CCSSO). (2012). http://www.corestandards.org/assets/CCSSI_ELASstandards
8. OFFICIAL-LANGUAGE INSTRUCTION 2013–2014 TO 2017–2018
9. Statistics Canada, 2016 Census of Population, Statistics Canada Catalogue no. 98-400-X2016086. <http://www12.statcan.gc.ca/census-recensement/2016/rt-td/lang-eng.cfm>
10. Statistics Canada. 2017. Focus on Geography Series, 2016 Census. Statistics Canada Catalogue no. 98-404-X2016001. Ottawa, Ontario. Data products, 2016 Census. http://www12.statcan.gc.ca/census-recensement/2016/as-sa/fogs-spg/Facts-CAN-eng.cfm?Lang=Eng&GK=CAN&GC=01&TOPIC=5#fd1_2
11. Slavina Liliya, Mustafina Jamila, Alan Mark, Regional languages in cyberspace Case study: Tatarstan, Russia//2017 10TH INTERNATIONAL CONFERENCE ON DEVELOPMENTS IN ESYSTEMS ENGINEERING (DESE 2017). - 2017. - Vol., Is.. - P.139-144.
12. Slavina Lilia, Lilia Mustafina, Gulnara Ganieva, Egor Petrov and Gunai Aydaeva The Regional Language in Education: The Case of the Republic of Tatarstan, Russian Federation/

Slavina L., Mustafina L., Ganieva G., Petrov E. and Aydaeva G. 2017 3rd International Conference on Creative Education. -Kuala Lumpur, Malaysia. ISBN: 978-981-11-1537-0 Volume 13 of Advances in Education Sciences 1vol-set ISSN: 2339-5141

13. Slavina L R, IV Khairovaa Language education in the regions of Russia and Canada: a comparative analysis International Electronic Journal of Mathematics Education, 2016 - Volume 11 Issue 6, pp. 1809-1816

О ПРОБЛЕМАХ, СВЯЗАННЫХ С ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТЬЮ И ЕЁ ВЛИЯНИИ НА МУЛЬТИНАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ КИТАЙСКОГО ОБЩЕСТВА

(на примере Китайской Народной Республики)

Е. А. Тимошина

*Аспирант,
Ульяновский государственный
университет,
г. Ульяновск, Россия*

Summary. Chinese People's Republic as multicultural society faces challenges related with ethnocultural identity of Chinese citizens. There are 55 ethnic minorities in China who have different languages, culture and religion. The article analyses mainly the situation with muslim minorities who are the Hui, the Uyghurs, the Kazakhs, the Kyrgyz, the Tatars, the Salars and others. The article begins with the analysis of the phenomenon determined as "ethnocultural identity". The paper also contains some historical information about the periods of Chinese Government's policy, concerning ethnic minorities. The article concludes that despite many Chinese provinces suffer from social and economic problems today, the Government of the country strive to overcome all difficulties to preserve the integrity of the country and support national minorities in all spheres.

Keywords: ethnocultural identity; ethnic minorities; China; the Muslim Chinese; Chinese language; national policy.

Как отмечают многие исследователи, в последние десятилетия XX века общепланетарная картина мира и динамика его развития начала принципиально меняться под влиянием процессов интеграции, взаимопроникновения различных культур и унификации образа жизни, имеющих глобальную значимость. В этих условиях во многих полиэтнических странах мира стала складываться ситуация, характеризующаяся исследователями как кризис идентичности. Особенно остро проблема идентичности проявляется в сфере межнациональных отношений [2, с. 224].

По мнению исследователя И. В. Малыгиной, в последние десятилетия в социально-гуманитарном знании острую актуальность обрела тема этнокультурной идентичности, под которой мы понимаем сложный социально-психологический феномен, содержание которого определяет осознание индивидом своей общности с некоторым этнонациональным образованием на основе разделяемой культуры, глубинное эмоциональное пе-

реживание этой общности и соответствующие культурные формы ее манифестации [3, с. 219].

В системе любой этнокультуры заложен механизм воспитания у её членов не только уважения к другим культурам, но и чувство предпочтения своих культурных ценностей. Это функция защиты этнической идентичности, рассматриваемой как условие целостности и саморазвития личности. Важным обстоятельством является и то, что этническая идентичность может расти или ослабевать под влиянием обстоятельств, в ответ на внешние условия. Как правило, источником роста этнической идентичности являются последствия межэтнических отношений. Так, ответом на обострение межэтнических отношений, на притеснения, критику этнокультурных ценностей является рост сепаратизма, явления этнорелигиозного экстремизма, вплоть до терроризма [2, с. 225].

Китайская Народная Республика как и многие другие современные мультикультурные государства сталкивается с множеством проблем, вызванных этнокультурной идентичностью населяющих её народов. За последние 25 лет Китай претерпевает быстрые социальные и экономические изменения. Он также становится все более активным участником международного сообщества, являясь в том числе членом ООН и ВТО.

Сегодня Китай – единое многонациональное государство, где на территории протяженностью 9,6 млн. квадратных километров, кроме основной национальности хань, составляющей чуть менее 92 % населения всей страны, компактно проживает 55 национальных меньшинств общей численностью свыше ста миллионов человек, что составляет чуть выше 8 % населения всего Китая. Территория проживания национальных меньшинств составляет примерно 50–60 % территории всей страны. Среди 55 национальных меньшинств 44 имеют собственные автономные округа с населением 75 % от общего числа этнических меньшинств и занимают 64 % площади всей страны. Численность этнических меньшинств составляет около 108.46 млн. чел. [1, с. 132].

Быстрая трансформация Китая обнажила внутренние и исторические проблемы политики правительства КНР по отношению к этническим меньшинствам. Власти публично признают серьезность крайне непропорционального распределения экономических выгод, полученных от проведенных реформ, между сельскими и городскими районами, а также между разными социальными группами [4, с. 7].

Зачастую национальные меньшинства отличаются не только своей этнокультурной идентичностью, но и принадлежностью к другой религиозной конфессии, нежели основная национальность хань. Рассмотрим подробнее представителей национальных меньшинств – мусульман. На сегодняшний день в КНР насчитывается около 10 национальностей, исповедующих ислам. Шесть из десяти этнических групп проживают в основном в Синьцзянском автономном районе, который также известен как Восточный Туркестан для многих некитайцев. В данную шестёрку некитайских этни-

ческих исламских групп входят уйгуры, казахи, киргизы, узбеки, татары и таджики, и каждая из них говорит на языке тюркской семьи, за исключением таджиков, чей родной язык тесно связан с персидским языком. Остальные исламские этнические группы, за исключением уйгуров, стремительно исчезают. По данным Национальной переписи населения, в 2000 году в Китае насчитывалось всего около 4900 татар [6, с. 2].

В регионе, который граничит с провинциями Ганьсу и Цинхай, проживают еще три небольших этнических группы мусульман: салары, баоаньань и дунсян. Салары говорят на тюркском языке, который некоторые лингвисты считают просто диалектом уйгурского. Баоанский и Донсянский языки – это архаичные формы монгольского языка, находящиеся под сильным влиянием китайского языка на протяжении многих веков общения. Из всех этнических групп мусульман, пожалуй, наибольший интерес представляет этнос хуэй, который в основном говорит на китайском языке.

Термин «хуэй», использовался в разные периоды как название этнической группы, а также как описание религиозной принадлежности, обозначая исповедующих ислам.

Национальность хуэй, как отмечалось выше, говорит преимущественно на китайском языке. С населением свыше 10 миллионов человек, данный этнос является одним из наиболее многочисленных национальных групп, признаваемых в Китае. Из 56 национальностей Китая, более 10 исповедуют ислам. Исламское население Китая достигло свыше 20 миллионов человек, а национальность хуэй является самой крупной исламской этнической группой [8, с. 191]. Этнос хуэй имеет китайское происхождение и проживает практически на всей территории страны, однако наибольшая концентрация населения сосредоточена в провинции Ганьсу.

Отметим, что национальность хуэй не имеет единой территории для проживания, население хуэй в основном распределяется в провинциях Нинся, Ганьсу, Синьцзян, Цинхай, Юнань, Шаньси, Хэнань, Шаньдун, Хэбэй, автономном районе Внутренняя Монголия, а также в Ляонин, Аньхой и Пекине. Теория национальности или этнической принадлежности не распространяется на этнос хуэй, у которой нет общего языка и общего места. Мусульмане Хуэй отличаются от представителей других мусульманских общин в Китае своим языком. Уйгуры, казахи и другие национальные группы, исповедующие ислам, говорят на тюркском или, в случае с таджиками, на персидском языках, в то время как хуэй используют местный китайский язык, который преобладает там, где они проживают [6, с. 5]. Рассмотрим ещё один крупный этнос, исповедующий ислам. Уйгуры считают себя коренными жителями Синьцзяна, где проживает большинство из них, хотя уйгуры встречаются и в Казахстане, а также в других частях бывшего Советского Союза. Небольшие общины иммигрантов проживают в Турции и Германии. Вероятно, они прибыли в Синьцзян в результате великой миграции тюркских народов на запад с территории современной Монголии в

восьмом и девятом веках [6, с. 5]. По результатам переписи 2010 г. население уйгур составило более 10 млн. чел.

После образования Китайской народной республики в 1949 году, значимость исламской идентичности поддерживалась политикой Правительства для объединения всех национальностей. Не удивительно, что сегодня исламская религия является своеобразным «культурным маркером» в составе уйгурской идентичности [7, с. 31]. Сегодня для многих представителей уйгурского меньшинства миграционные потоки ханьцев в Синьцзян рассматриваются как угроза исламской религии и уйгурской культуре. Ханьское население в Синьцзяне увеличилось в 26 раз по сравнению с 1940-ми годами с ежегодным приростом в 8,1 %, что в свою очередь для уйгур послужило толчком для защиты своей идентичности, языка, культуры, религии, которые коренным образом отличаются от ханьской [7, с. 31]. Тем не менее, согласно исследованиям Тао Ванга из Восточно-Китайского педагогического университета (г. Шанхай) в связи со стремительным ростом урбанизации страны, многие мусульмане Китая из числа представителей национальных меньшинств покидают родные края ради переезда в китайские города. По состоянию на 2013 год в городских агломерациях посещали государственные и частные школы около 72,6 % детей мигрантов, что соответствует 25,99 млн. чел. [10, с. 858].

Обратимся к истории политики Китая (с момента образования 1 октября 1949 года) в области развития и сохранения этнокультурной идентичности национальных меньшинств. В данной теме можно выделить несколько этапов:

Первый этап: начало – середина 1950-х годов – поддержка языка и культуры. В пятидесятых годах прошлого столетия правительством Китая были созданы автономные районы. Основным требованием к чиновникам и местным властям было владение языком нацменьшинств, которые проживали на подведомственной территории. Занятия в школах велись на родном языке, изучалась письменность национальных меньшинств [1, с. 133]. Таким образом, для решения национального вопроса и поддержания наравне в правах с доминирующим этносом – ханьцами других этносов, проживающих в основном на северо-западе Китая и занимающих почти $\frac{2}{3}$ территории страны, были созданы следующие автономные районы: Внутренняя Монголия (1947 г.), Синьцзян-Уйгурский АР (1955 г.), Тибетский АР (1965 г.), Гуанси-Джуанский АР и Нинся-Хуэйский АР (1958 г.)

В 1956 г. Правительство КНР учреждает в Пекине Институт национальных языков и Китайскую академию наук, где лингвистическими исследованиями занимались более 700 языковедов и экспертов, изучая языковую ситуацию в 16 провинциях и регионах Китая, исторически населённых этническими меньшинствами. Согласно проведённым исследованиям было выявлено 20 национальностей, имеющих письменную форму родного языка и использующие его повсеместно (монголы, тибетцы, уйгуры, казаки, корейцы, дайцы, узбеки, киргизы, татары и др.) [5, с. 96]. Китайское те-

левидение и радиовещание вели передачи не только на китайском языке, но и на монгольском, тибетском, уйгурском, казахском и корейском языках. В период с 1949 г. по 1964 г. выпускалось 34 журнала и 37 газет на 11 национальных языках [5, с. 99].

Второй этап: конец 1950-х годов – совпал с событиями «культурной революции» (1966–1976 гг.), характеризующимися в том числе подавлением языка и культуры нацменьшинств. Этот период ознаменовался изменением направления в политике. Китайский язык (язык ханьцев) стал официальным. В школах, где обучались представители нацменьшинств, ввели китайский язык. Предложения ввести двуязычное образование в местах проживания этнических групп были расценены как вызовы идеологической корректности и как противостояние социализму [1, с. 134].

Третий этап: конец 1970-х годов – ознаменован началом проведения реформ во всех областях, а именно провозглашением в декабре 1978 года на третьем пленуме ЦК Коммунистической Партии Китая принципиально нового курса развития страны. Этот период был временем поддержки и развития национальных языков. Конец семидесятых годов характеризуется как период защиты прав меньшинств, сохранения и развития их культуры и языка. Правительством Китая были приняты законы, защищающие права и интересы этнических групп многонационального Китая. И, соответственно, в Конституцию КНР от 1982 года внесены основные принципы, защищающие законные права и интересы нацменьшинств [1, с. 134].

Четвертый этап: с 1990 года по настоящее время. Начиная с 1990 года правительством Китая были предприняты эффективные меры по сокращению различий в обеспечении права на образование для граждан разных национальностей и конфессий. В Китае много районов с различными уровнями экономического развития. Наблюдается и разница в охвате детей школьным обучением в пяти национальных автономных районах (Внутренняя Монголия, Гуанси-Чжуанского, Нинся-Хуэйского, Синьцзян-Уйгурского, Тибетского) и трех провинциях (Гуйчжоу, Цинхай и Юньнань) со значительным сосредоточением национальных меньшинств с одной стороны и средним уровнем аналогичного показателя по всей стране с другой стороны.

Как и другие многонациональные государства, в целях сохранения целостности, исключения сепаратизма среди населения, достижения экономического и социального развития Китай стремится к решению национального вопроса, прежде всего развивая и сохраняя традиции, обычаи и языки всех национальностей, проживающих на территории всего государства [1, с. 132–133].

Сегодня Китай проводит преференциальную политику, финансируемую государством в отношении национальных меньшинств, которая распространяется не только на этнические группы, занимающие определённую территорию, но и на отдельно взятых граждан, имеющих отличную этнокультурную идентичность. Существуют специальные программы в

сфере образования, например, льготы при поступлении, либо существенные скидки на оплату обучения, а также проекты планирования семьи [9, с. 4].

Социально-экономическое развитие автономий всё же контрастирует с положением в социально-экономической сфере остальной части Китая, поэтому проблема межнациональных отношений и национальный вопрос в КНР рассматриваются китайским правительством с точки зрения достижения баланса между ними. По мнению китайского руководства, только ускоренное развитие отстающих в социально-экономическом плане национальных автономий позволит гарантировать стабильность межнациональных взаимоотношений и поступательное культурное развитие этнических меньшинств.

Библиографический список

1. Алексеева И. Д. Образование этнических групп Китая // Вестник Бурятского государственного университета. – 2012. – №8. – С. 132-136. ISSN – 1994-0866
2. Громова Е. М. О проблеме этнокультурной идентичности в современном образовании // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 4. С. 224-231. – ISSN 2070-7428.
3. Малыгина И. В. Методологические дискурсы этнокультурной идентичности: ресурс взаимодополнительности // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 5. С. 219-224. – ISSN 1813-145X.
4. Gray Z. Report. China: Minority exclusion, marginalization and rising tensions. – United Kingdom. : HRIC, 2007. – 44 p.
5. Li Q. Ethnic Identification in the People's Republic of China : diss. ...degree master of Arts. – Ottawa, 1996. – 165 p.
6. Ma I. Muslim youths in China and their problems // Academia. URL: https://www.academia.edu/9331620/Muslim_youths_in_China_and_their_problems (date of access 02.09.2019).
7. Rohan G., Arabinda A., Wang P. Ethnic identity and national conflict in China. – New York. : Palgrave Macmillan, 2010. – 248 p. – ISBN: 978-0-230-10305-4.
8. Rong G., Gonul H. Z., Xiaoyan Zh. Current issues in Islam. Hui muslims in China. – Leuven. : Leuven University Press, 2016. – 17 p.
9. Treatment of the uyghur ethnic group in the People's Republic of China // Report for U.S. Department of Justice. URL: https://www.justice.gov/sites/default/files/eoir/pages/attachments/2015/03/30/loc_03-2015_china.pdf (date of access 10.09.2019).
10. Wang T. Religion-based cultural identity and conflicts of migrant Muslim students in Northwest China // Race ethnicity and education. – 2017. – No. 21. – P. 858-876. – ISSN 1361-3324.

IV. STATES AND SOCIETIES IN SEARCH OF REGIONAL IDENTITY

ACADEMIC PLAGIARISM AS THE BIGGEST PROBLEM OF POLISH UNIVERSITIES

E. Sielicka
A. Choma
D. Kowalczyk

PhD candidate,
PhD candidate,
PhD candidate,
Wroclaw University of Economics,
Wroclaw, Poland

Summary. No academic system is flawless and has many pathologies. It is important that they are recognized, monitored and restricted by introducing appropriate procedures and system changes. Especially for plagiarism.

Keywords: plagiarism; problem of plagiarism; plagiarism in Poland.

Is it possible to write a thesis without using literature resources? Probably yes, but it is extremely difficult. The academic community even recommends using the above sources. The diploma thesis is a summary of a specific stage of study, it is proof of the author's maturity and testifies to his proper knowledge of the area in which he is moving. Each, such work requires its author to be properly prepared – to read, choose a topic, correctly put research questions and formulate hypotheses for later verification. The author must devote time to its creation, during which he should be prepared for constant changes and numerous discussions (including with the promoter or other seminar members). Often he also has to undergo a pre-writing practice or prepare research for it.

In today's era of universal access to information (including knowledge), as well as the speed, tempo of our lives, more and more students are afraid to take on the challenge of writing a scientific thesis – bachelor, engineering, and often also master's thesis. Students make themselves writing easier by rewriting fragments of books, other scientific papers (like articles, theses, essays, etc.), or often, just repeat boring and well-known topic of thesis. Ingenuity, creativity, ambition are disappearing – there is no wish to take on a new challenge, to explore horizons far distant to them. In the following article, which will be closer to the dissertation, we would like to focus on the problem of plagiarism, massively "haunting" universities, because this is the topic that is closest to us, directly affecting the environment in which we find ourselves.

Plagiarism. What exactly is plagiarism? This is the most ordinary theft, which is also a reproduction of someone's creative inventions, often without his consent and knowledge. Can cheating on tests be called plagiarism? Certainly. Is

it also rewriting fragments of books, copying already completed theses or buying ready-made scientific theses? Yes.

From a student perspective, we know that the scale of the problem is huge and despite the implementation of the provisions of the Resolution of the Conference of Rectors of Polish Universities is still growing. Why? Unfortunately, there are many reasons. The first is the laziness of students, who they have virtually everything "served on a tray", using the Internet. Today's student has a little to do on the conventional "3" grade. Search. Copy. Paste. Another problem is the growing number of students and universities in our country. At first glance, this positive trend after exceeding a certain level leads to an increase in the number of "masters degrees", a general reduction in the quality of education as well as a reduction in the difficulty of obtaining a degree. This, in turn, devalues the first two degrees and the emergence of the trend of treating students by a wider group of universities as machines for making money.

Further problems include a sense of impunity / lack of responsibility for the copied knowledge, as well as widespread consent for this kind of behavior. Most students learn irregularly, during sessions, under time pressure, wanting to pass classes and pass exams, choose easier solutions for them. A small number and poor organization of classes only aggravate this problem [2].

Academic plagiarism, however, does not apply only to students. Unfair behavior can also be accused of university employees – academic teachers conducting classes. As everyone knows, an example must go from above, so everyone of teachers must be of good repute, citing Tadeusz Kotarbiński to be a "trustworthy guardian" – a trustworthy, truthful, brave and sensitive person and good [1].

To all above reasons we should add also poor education about plagiarism and lack of classes about ethic. To the consciousness of a few students will come, what really means plagiarism and what are the consequences of its use, but this is a problem not only of universities but of the entire education system in Poland.

So how do you fight plagiarism? In addition to the commonly known methods of combat, I would like to list new methods that have been overlooked so far. The first tool to fight against plagiarism should be the introduction of practical classes / workshops (of a discussion nature) on this subject for first-year students as well as those who are to start writing their diploma theses. Academic teachers should get rid of peer solidarity in the matter of plagiarism, and plagiarists should be removed from their positions by universities, and in special cases plagiarists should also be taken away from unfair academic titles. The university's regulations should clearly specify the consequences (penalties) of it catching a student with each of the various types of plagiarism (cheating, copying completed works, rewriting books, buying scientific papers) and most importantly – these rules must be enforced by academic teachers. During colloquia and exams, the supervision of university staff should be increased, and

the trend of repeating the same questions and tasks should be removed from semester to semester. The last solution should be the extension of the anti-plagiarism program. In its present form it is mainly used for checking diploma theses. It would be an innovation to add to such programs the function of verifying the work sent by students under the plagiarism account, by comparing these works, for example – with 20 web addresses with similar content thrown out by the search engine. The program could be additionally supplemented with the function of comparing the selected text by the teacher the text with that received from the student.

In summary, the "arms race" continues. Students are competing in inventing new methods of plagiarism, so according to the old maxim "prevention is better than cure", you should start working at the base, i.e. change the awareness of young people, above all why you should do something yourself and how many immeasurable benefits your own creative initiative brings [3].

Bibliography

1. Kotarbiński Tadeusz, *Sprawność i błąd (Z myślą o dobrej robocie nauczyciela)*. Państwowe Zakłady Wydawnictw Szkolnych, Warszawa, 1957.
2. Sołtysiak Grzegorz, *Plagiat. Zarys problemu*, DRUKTUR, Warszawa, 2009.
3. Wieczorek Józef, *Etyka i patologie polskiego środowiska akademickiego*, Niezależne Forum Akademickie, Kraków, 2010.

BENEFITS OF INTRODUCING THE E-CODEX PROJECT FOR ENTERPRISES

E. Sielicka
A. Choma
D. Kowalczyk

PhD candidate,
PhD candidate,
PhD candidate,
Wroclaw University of Economics,
Wroclaw, Poland

Summary. Currently, thanks to the growing cross-border cooperation, enterprises are constantly expanding a network of commercial contacts and sell their products and services on the foregin market. The purpose of this article is to present the benefits for enterprises resulting from the introduction of the e-codex project and to present the project assumptions.

Keywords: e-CODEX; e-CODEX project; network of commercial contacts.

The purpose of this article is to present the benefits for enterprises resulting from the introduction of the e-codex project and to present the project assumptions. Currently, thanks to the growing cross-border cooperation, enterprises are constantly expanding a network of commercial contacts and sell their products and services on the foregin market. On the one hand, this is an opportunity to increase markets and profits, however, on the other hand, it carries the risk of cross-border disputes with both clients, as well as contractors

in which the parties to the conflict come from countries with different binding legal provisions. In the face of this situation, it was necessary to settle claims uniformly and cross-border disputes at European level. To meet this, EU institutions implemented two different procedures to regulate these issues [5]. The first is the proceedings on the European Order for Payment, governed by Regulation (EC) No 1896/2006 Parliament European and Council of 30. 12. 2006. Its purpose is to accelerate and simplify and reducing the cost of litigation in the event of uncontested monetary claims on the territory of European Union member countries. The second issue is the proceeding in the case small claims, governed by Regulation 861/2007 of the European Parliament and of the Council of 11.07.2007 A small claim is understood as a dispute whose value excluding all interest, expenditure and expenses shall not exceed EUR 2000. To enable and to help both citizens and entrepreneurs experiencing recovery difficulties carrying out their claims on contractors from other countries to carry out a European order for payment and a small claims procedure electronically created a platform e-Codex. Therefore, the main goal of the e-CODEX project is to provide entrepreneurs and individuals citizens an easy access to legal remedies in Europe.

25 European countries participate in the e-CODEX project. His main premise is to accelerate and electronize justice by strengthening international cooperation and creating tools for the implementation of electronic procedures. This is to reduce the costs of court proceedings, in particular cross-border ones [5]. The e-Justice portal created as part of the e-CODEX project is to constitute a system electronic law and serve three purposes, which are:

- European dimension,
- contributing to the construction of a European judicial area,
- a tool serving European citizens [6].

The assumptions of the e-CODEX project are in line with the assumptions for building a European society, which requires member states of the European Union and its institutions to create appropriate ones tools and conditions for implementing the idea of political, economic and legal community. Access to the platform created under the e-CODEX project is free and has been financed from European Union funds. Persons or institutions filing lawsuits through this platform must however, be aware of the costs of any fees required by individual courts and resulting from legal regulations in force in a given country. Condition of initiation proceeding through the e-CODEX platform is to meet the following conditions:

- having the citizenship of one of the member states of the European Union and possession legal capacity,
- the case to which the proceedings commenced is a cross-border case within the meaning provisions on the European order for payment,
- possessing digital documentation constituting evidence in the case,
- location of the court hearing the case in the country participating in the project e-CODEX,

- filling out the form correctly, providing true and legally required information,
- possession of a secure electronic signature issued by a recognized institution.

As a rule, the dispute should be settled by a court of a Member State of the European Union, inhabited by the respondent entity or in which its registered office is located.

Bibliography

1. Łuczak L., Mamrot Sz., Analiza wybranych trans granicznych procedur pilotażowych – europejskiego postępowania nakazowego oraz europejskiego postępowania w sprawie drobnych roszczeń – realizowanych w ramach projektu e-Codex [w:] „Studia Europejskie” 1/2014, pp. 162.
2. Rozporządzenie z dnia 30 grudnia 2006 r. Dziennik Urzędowy Unii Europejskiej (Dz. Urz. UE L 399 2006 r.), pp. 1 – 32.
3. www.e-codex.pl (dostęp: 20.01.2016 r.)
4. Rozporządzenie z dnia 31 lipca 2007 r. Dziennik Urzędowy Unii Europejskiej (Dz. Urz. UE L 199 2007r.).
5. Łuczak - Noworolnik L., Europejskie postępowanie w sprawie drobnych roszczeń jako przykład dążenia do elektronicznej procedur transgranicznych, „E-mentor” 2014, nr 5 (57), pp. 75-84.
6. Łuczak L., Portal e- Justice jako element budowy społeczeństwa informacyjnego Unii Europejskiej, „E-mentor” 2013, number 4 (51).
7. Europejski Nakaz Zapłaty na terenie Unii Europejskiej – podręcznik dla obywateli i przedsiębiorców. <http://e-codex.pl/images/Handbook.pdf> (access: 10.01.2016 r.), pp. 6.

EVENT ORGANIZATION AND MANAGEMENT TEAM BUILDING

E. Sielicka

A. Choma

D. Kowalczyk

PhD candidate,

PhD candidate,

PhD candidate,

Wroclaw University of Economics,

Wroclaw, Poland

Summary. A well-cooperating team is the basis for the success of a modern company. Strong team and employees who understand each other cooperate more efficiently and effectively, as well as they solve problems more quickly. So, creation of the good team, should be one of the main targets for each manager.

Keywords: event organization; team building; human resources management.

Behind the success of each leader is his team. It is the effectiveness and cooperation skills of the people with whom the leader is associated that largely depends on his own achievements. The goal of this article is to demonstrate that the ability to create an effective team is extremely important when organizing

mass events, the scale of which does not allow the manager to personally control all work.

Creating an effective team is a big challenge for the event manager [4]. As they are often set up only for the needs of the event, the training time is usually very limited, and people work together for the first time. The staff should be divided into groups of about 2 to 25 people. It gives the possibility of effective use of resources and efficient management. It is necessary to select employees with different qualifications in order to later create teams with versatile skills. The training process should be particularly followed by leaders who cannot do everything themselves and must have the ability to delegate tasks. Training should be provided for the team in the tasks assigned to them, because the success of the organized event depends on the efficiency and preparation [2]. Staff must feel that the organization has support for their efforts. Creating a plan of specific goals helps to achieve success [5]. These goals should be measurable, because it allows teams to achieve the main goal more easily and is a necessary element motivating the team for further tasks. Collaborators must trust each other. In order to create such an atmosphere, it is necessary to ensure awareness of the organization's goals and the goals of other teams. Thanks to this, people feel that they are working together, although they work in different teams – they share the goal of the organization. A convenient communication channel should be provided between the staff and the organizer, as well as between volunteers and employees. Thanks to assigning duties, the crew's sense of authority increases, which increases the motivation to perform the assigned tasks. There should be a difference between recognizing volunteers and paid personnel. The crew should formally and informally show gratitude to volunteers, while volunteers should publicly acknowledge the crew's merits. These differences should be visible. All employees must feel satisfaction and joy with the tasks performed and enjoy the event's success together [1]. Volunteers can play a significant role in building event staff [3]. During the Winter Olympic Games in Turin, 25,000 volunteers were involved. Volunteers, of which 5,000 formed the program of the ceremony, 3.5 thousand of them worked as dancers, actors, acrobats, musicians, while the remaining 1.5 thousand organized the event as producer assistants. Volunteers were the vital force for the success of the Sydney 2000 Olympics. The Olympic tradition is to involve the public in volunteering, partly of course for economic reasons. A more important aspect, however, is to give the public the feeling that they are participating and contributing to the organization of the Olympics. Volunteers were the face of the Sydney 2000 Olympic Games for crowds who came from around the world.

The training process consisted of several levels: general training, training on the specifics of the work performed, territorial training equal for all volunteers and leadership training for all staff, including many volunteers. Training on such a large scale was a big investment, but it turned in the quality of services and motivation of employees, which contributed to the final success of the Sydney 2000 Olympic Games. The training process involved one million

hours carried out in the three months preceding the Olympic Games. The motivation of volunteers was particularly visible during the games, because only 4% of people did not show up at work, it was a particularly low rate of loyalty decline for the event. The organizers agreed that volunteers together with athletes constituted the most important part of this Olympics [6].

Bibliography

1. Bowdin G. A. J., Allen J., O'Tolle W., Harris R., McDonnell I., Event Management, Oxford, Elsevier, 2006.
2. Hall M. H., Barr C. W., Easwaramoorthy M., Sokolowski S. W., Salamon L. M., The Canadian Nonprofit and Voluntary Sector in Comparative Perspective, Canada, Imagine Canada, 2005.
3. Kulig - Moskwa K., Rola wolontariatu pracowniczego w rozwoju kompetencji pracowników, Marketing i Rynek nr 5, pp. 1099-1106, 2014.
4. Pyszka A., Modele i determinanty efektywności zespołu, Studia ekonomiczne, Tom 230, Wydawnictwo Uniwersytetu Ekonomicznego w Katowicach, 2015.
5. Seweryniak T., Diagnoza kompetencji coacha profesjonalnego zespołu sportowego, Prace Naukowe Uniwersytetu Ekonomicznego we Wrocławiu, nr 115: Menedżer w gospodarce opartej na wiedzy, pp. 641-648, 2010.
6. SOCOG, Official report of the Games of the XXVII Olympiad. Volume One. Preparing for the Games, Sydney Organising Committee for the Olympic Games, 2001.

THE EFFECTIVENESS OF THE SERVICE PROCESS IN THE CONTEXT OF ACHIEVING QUALITY OBJECTIVES ON THE EXAMPLE OF "T-CAR" COMPANY

E. Sielicka

A. Choma

D. Kowalczyk

PhD candidate,

PhD candidate,

PhD candidate,

Wroclaw University of Economics,

Wroclaw, Poland

Summary. The article presents the system of the service process functioning in car service company regarding to its quality management system.

Keywords: car service; service proces; quality management system.

Introduction

Currently, there are many companies selling cars on the automotive market that meet the requirements of almost every customer. The company "CAR" presented in the following article is a two-department truck and delivery truck salon. In the examined facilities, service, body and paint repairs are provided, as well as the sale of original spare parts, remanufactured and accessories.

For both the entire company and its representatives, it is important to provide services on the highest level. It would seem that car sales should be a

priority for the company. However, after a short analysis, it turns out that the service process is as important as sales, affecting the acquisition of a new customer and satisfaction of the current one. As a well-known brand, the company puts the customer in the center of attention, which is an added value that exceeds the competition's offer. In order to maintain such a relationship with the customer, the services provided must be of the highest quality. Maintaining the best possible relationship with the customer can be achieved, among others, through the implemented and maintained management system based on the requirements of ISO 9001. One of the requirements of ISO 9001 is to define quality objectives that are the subject of our interest in this article [3].

1. The company's quality objectives

Enterprises often set different goals, e.g. strategic, qualitative, environmental or financial. How to define and set a goal correctly? A goal is a state or object that an individual or business wants to pursue. When developing goals, remember the SMART concept regarding the formulation of goals, i.e.: S (Simple) – simple, M (Measurable) – measurable, A (Achievable) – achievable, R (Relevant) – significant, T (Timely) – determined in time. In a quality management system compliant with the ISO 9001: 2008 standard, enterprises should periodically set quality objectives. Quality objectives are the objectives of a product, service or activity that demonstrate its pursuit of excellence. Quality objectives should be measurable and consistent with quality policy [3].

2. Organization service process

The ISO 9000 standard defines a process as a set of interrelated or interacting activities that transforms inputs into outputs. According to Lark in the book Logistics of companies, the process is defined as an integrated, purposeful system or chain of activities, which is also the result of the integration and structuring of activities [1]. It can be implemented to varying degrees, slightly different from each other. This also applies to the service process, where the activities from the moment of vehicle acceptance to its release are carried out systemically. According to Pabis S., the service process is defined as an empirical system, covering material objects (cars, users and services), as well as relationships between them.

Participants in the service process are the persons who carry out tasks related to a given process. The correct division of duties allows employees to act effectively so as to fully satisfy the customer. The customer of the company, i.e. the customer / car owner is the most important in the service process.

Participants in the service process are the persons to whom the tasks related to the process belong, and the proper division of commitments enables employees to act effectively to fully satisfy the customer. The customer of the company, i.e. the customer / car owner is the most important in the service process. Therefore, the role of the reception is important here, which contacts the customer as the first to accept his application for the service. A service consultant is another person involved in the process. The main stage is the

implementation of the order, where the contractor is a master, service technician and diagnostician.

The subject of service repair is a vehicle accepted for service. Although both points are authorized, it is not uncommon to receive other brands of cars at the workshop. Most often these are cars damaged / breaking during the route. However, the target customer group is the owners of the service brand. Most users come for periodic inspections of cars covered by the warranty [4].

3. Assessment of the service process

The document, which is the service procedure, describes in turn a series of actions, such as a step you need to take care of the customer and his vehicle step by step. It contains the most important activities that allow you to provide a high level service. The telephone booking stage up to the point of contact after repair is clearly defined and understood. In practice, however, one cannot always talk about the effectiveness of this process. This mainly applies to subprocesses such as: registration of additional customer wishes – if the company does not take into account customer requirements, it is difficult to talk about the effective conduct of a given process, completing customer documents – deficiencies in documentation, e.g. failure to collect a registration certificate or vehicle insurance policy, indicate that the company has not followed the procedure, inaccurate fulfillment of vehicle acceptance and release protocols – there may be deficiencies in the record of the final / post-repair check carried out, no confirmation of the external and internal assessment of cars when accepting and final inspection of the vehicle.

It is recognized that the company achieves established goals on time, supplementing the qualitative registration. Furthermore, the organization of employee development organizations, because many of them require consideration of service requirements. A guideline is to enable the recording of data SMART.

It is worth mentioning the lack of record about things left by the owner in the car during the repair and the lack of signatures and stamps. The company must deal with this problem, because there may be a situation when, e.g. lack of information, who repaired a given car and the customer may suspect companies of stealing personal belongings. The external and internal evaluation of the vehicle before acceptance and after the service is also important. It is suggested to remind employees of service maintenance procedures to eliminate errors. The summary of the process studied by the authors requires several improvements as well as qualitative goals. Although I believe that the company uses the will to improve reducing weaknesses.

Bibliography

1. Skowronek C., Sarjusz Z. Wolski, Logistyka w przedsiębiorstwie, PWE, 2008, Warszawa, pp.18
2. ISO 9000:2015 Quality management system – Fundamentals and vocabulary
3. ISO 9001:2015 Quality management systems – Requirements

TRANSPORT MARKET IN POLAND

E. Sielicka
A. Choma
D. Kowalczyk

PhD candidate,
PhD candidate,
PhD candidate,
Wroclaw University of Economics,
Wroclaw, Poland

Summary. The purpose of this article is to show the situation on the transport market in Poland in recent years.

Keywords: transport; transport market; transport market in Poland.

The purpose of this article is to show the situation on the transport market in Poland in recent years. Recently, sustained economic growth has contributed to growth in Poland and the European transport industry. The economic recovery and the fall in fuel prices have translated to increase the volume of transported goods. The situation of Poland is particularly good transport companies against companies from other European Union countries. According to Polish Central Statistical Office's report from 2013, Polish transport companies had a 25 % share in the transport market international throughout the European Union. At the same time, the number of loads is also increasing carried by Polish transport companies [2]. In addition, lowering interest rates on the market has a positive impact on running a business, as the cost of investment loans decreases, which creates a chance for business development. The attractiveness of the Polish and European market transport for Polish carriers and low entry barriers mean that from year to year the number of registered transport companies in Poland increases and this market is currently very large liberal. The fact that Poland has the largest share in the international transport market in Europe, it does not directly translate into the economic efficiency of this market. Big number carriers achieve negative transport profitability, which means that the number of carriers on the market is inadequately large in relation to the demand for their services. This leads to a situation where carriers, when fighting for customers, are forced to significantly lower the height Shipping rates, often to the point of profitability or below. Companies must pass realize that purchasing power in the market for transport services does not increase significantly and to stay on the market, they must not only constantly work on their development strategies, but also constantly optimize costs and minimize incurred losses. Currently, the transport market in Poland and Europe is developing dynamically. From year to year comes in Poland, carriers providing services for the TSL sector. The size also increases rolling stock and its quality and the number of licenses issued for both domestic and international transport.

The chart below presents the growth of Polish enterprises and vehicles in international transport in 1996–2015. It illustrates dynamic growth over the past 15 years, both the number of rolling stock and the companies involved in it international cargo transportation.

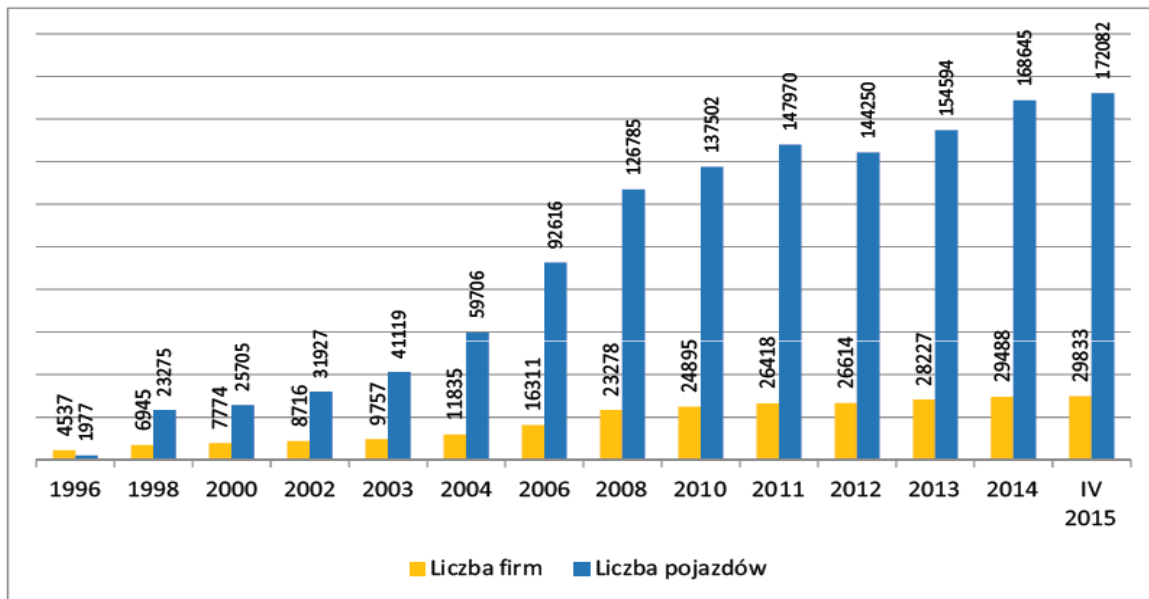

Chart 1. Number of Polish enterprises and vehicles in international cargo transport in the years 1996- April 2015. [Resource: 3].

In turn, analyzing the data presented in the second chart allows you to draw a conclusion, that Polish transport companies have become a significant player on the European market in the area of cargo transportation.

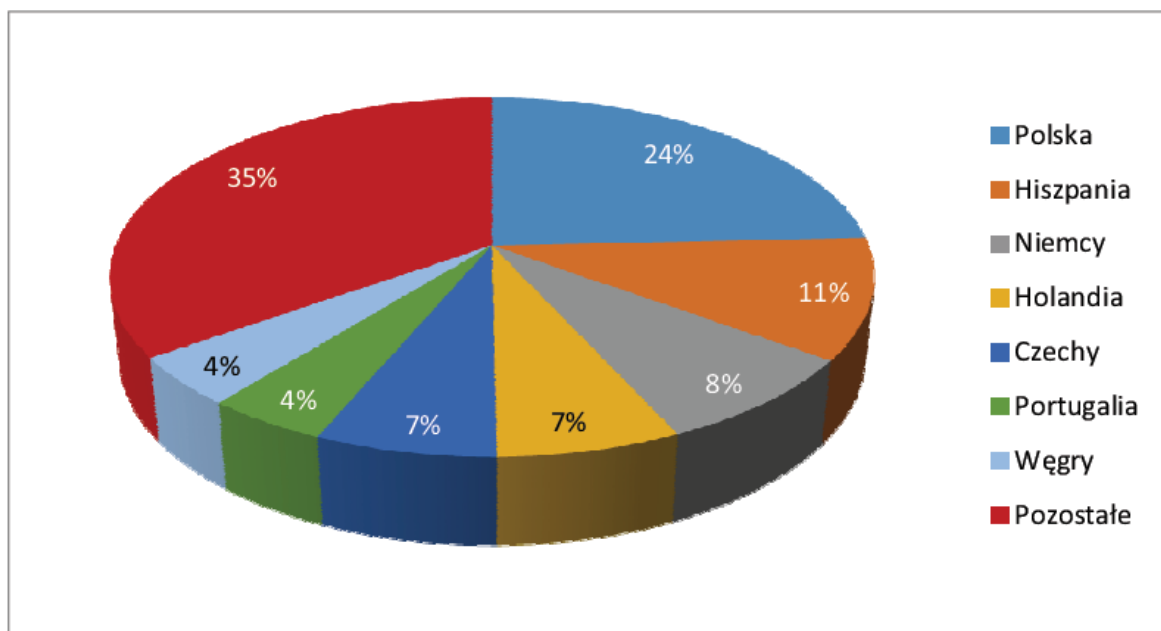

Chart 2. Shares of EU countries in the international road haulage market [Resource: 3].

The third chart shows how the number of publications has changed over the years 2009–2014 licenses for the international carriage of goods and the number of entries for licenses for the international carriage of goods. His analysis allows to observe a steady increase in the number of Polish dealing companies international cargo transportation.

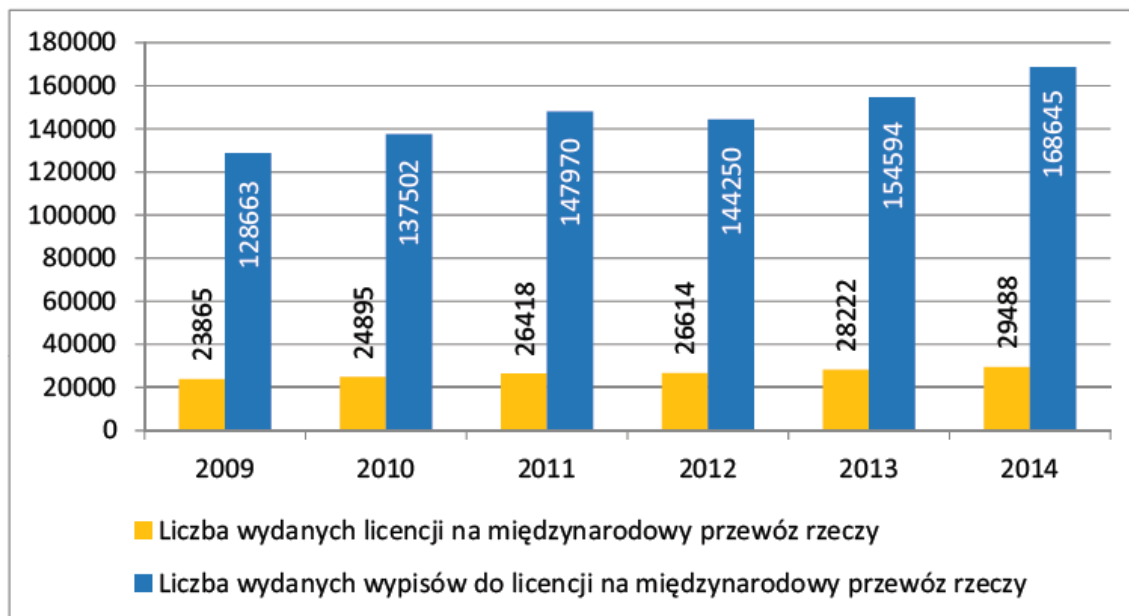

Chart 3. Number of licenses issued and entries for licenses for international transport in the years 2009–2014 [Resource: Data of the Main Road Transport Inspectorate].

Despite the good market conditions, economic growth and dynamic market development transport companies face many problems. One of them the saturation of the road transport market is too high, which leads to very high competition on the market and the fight for customers by constantly reducing the freight rates, which results in there is very often negative profitability on transport. The situation of Polish carriers does not it also improves the fact that every member state of the European Union tries to protect national carriers before foreign companies, as exemplified by the introduction of a rate minimum hourly rate of 8.5 euros in Germany. This applies not only to domestic carriers, but also drivers from other countries transporting their goods through Germany. Other member countries have also announced the introduction of their rates. Polish carriers were competitive for European carriers mainly due to lower wages and lower freight rates. The situation of Polish transport companies does not also improves the lack of support and protection from the state. Barriers to entry into the industry virtually they do not exist. Polish carriers cannot count on co-financing like other countries, e.g. Romania, which results in competitive rates for transport services provided by enterprises from these countries. Transport companies must also take into account the volatility of fuel prices, taxes and tolls, as well as restrictions and standards introduced by the Commission European (e.g. fleet modernization requirement to reduce CO2

emissions). In addition, shipping companies and production ones set very long payment periods for purchased transport services, often 30–90 days or expect lower rates in exchange for shortening the payment period. This causes liquidity problems for smaller carriers who don't have one an extensive fleet and many contractors. Opening up to new has become a chance for carriers, foreign markets and offering international transport services. However, regardless from which geographic market the transport company operates, it can hit an unreliable contractor who refuses to pay for the service rendered despite the claim is justified or it does not have sufficient cash. The problem is also shorter than in other industries recovery period. Unfortunately protecting the rights by citizens is currently too extended.

Bibliography

1. Garncarz P., Sytuacja branży transportowej w Polsce, „Journal of Translogistics”, 2015, pp. 81 – 94.
2. Główny Urząd Statystyczny, Transport. Wyniki działalności w 2013 roku, Warszawa, 2014.
3. Wilk T., Bieżąca sytuacja w transporcie drogowym w Europie, 2015.

СЕЛЬСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК «ИДЕНТИЧНОСТЬ С МЕСТОМ»

Н. В. Плотицкина

*Кандидат политических наук, доцент,
Кубанский государственный
университет,
г. Краснодар, Россия*

Summary. The article presents an interpretation of rural identity as «place identity». Such an explication involves the consideration of the concepts of «identity», «place», the study of «place identity» in the context of the rural – urban dichotomy. The concept of «place» is explicated in three meanings: spatial location, locale and as a sense of place. The particularities of the concept of «place identity» are described.

Keywords: rural; rurality; rural identity; place identity; local identity; regional identity.

Концепт «сельской идентичности» не является устоявшимся в отечественном научном дискурсе: руральная идентичность интерпретируется как частный случай проявления «идентичности с местом», локальной, региональной идентичности.

Экспликация сельской идентичности как «идентичности с местом» предполагает исследовательскую фокусировку на ряде вопросов: теоретизирование идентичности, места; операционализация «идентичности с местом» в контексте символической дихотомии «сельское vs городское». Бинарность «рурального – городского» эксплицитно включает три ключевых

измерения: дихотомичные конструкты «город vs деревня» и «сельская идиллия vs сельская скука»; гибридность «сельского – городского».

В научных исследованиях руральность приобретает различные черты: интерпретация сельского пространства как стабильного, консервативного, с жесткой стратификацией сменилась противоположной коннотацией: гибридная, сложная, многогранная, относительная, неуловимая сельскость. Придерживаясь подобной аналитической интенции, исследователи фиксировали существование разного «сельского» [6], что свидетельствует о незавершенности значений руральности, которые циркулируют во времени, пространстве, дискурсах и нуждаются в научной эссенциализации. Развивающиеся нарративы сельскости стали носителями множества значений, трансформируясь в дискурс, описывающий черты и особенности рурального. Исследователи либо фокусируются на множественных репрезентациях сельскости определенного пространства, либо их аналитическая оптика направлена на изучение «сельского другого».

Понятие «место» эксплицируется в трех значениях: пространственное местоположение, место действия и чувство места, т.н. субъективные ощущения, ассоциирующиеся с местом. Места, являющиеся и текстом, и внешним контекстом для социальных практик, обеспечивают локус для формирования идентичностей. По сути, руральность и сельская идентичность производятся в определенных местах. Концепт места включает физические пространства, значения, которые мы приписываем этим пространствам, и то, что мы делаем в них. Место неотделимо от жизни, которую люди ведут с точки зрения чувства принадлежности и идентичности. Это способствует формированию разных идентичностей разными людьми, где люди конструируют место различными способами, основываясь на своем собственном опыте, эмоциях, памяти, воображении, текущей ситуации и намерениях.

Наиболее ценными исследованиями являются те, которые не воспринимают повседневный опыт и понимание сельской местности как нечто общее и универсальное, а считают его дифференцированным. В итоге, сельская местность предстает как постоянная, оспариваемая, множественная категория и образное пространство, конструируемое посредством репрезентации и перформансов. Различные образы сельской местности формируют отношение человека к месту, привязанность, поддерживающую продуцирование и развитие «идентичности с местом».

Индивид конструирует свою идентичность посредством реализации действий, практикуемых по отношению к иным жителям сельской местности. В ходе прогулок на фоне сельского пейзажа возникают эмоции относительно окружающего пространства [3], подобное отношение людей к природе и сельской местности фреймирует идентифицирующие практики. Привязанность к месту может быть интерпретирована как пространственная принадлежность, включающая не только эмоциональное отношение,

обусловленное глубоким опытом и увлеченностью местом, но и рациональную оценку сельской местности.

«Идентичность с местом» продуцируется в ходе ежедневных взаимодействий с местом и охватывает чувство принадлежности, а также символические и личные значения, приписываемые месту. Именно эти факторы позволяют идентифицировать себя и отличаться от других и служат важным локусом и символическим расширением личности.

Р. Мэйс проводит различие между взаимосвязанными понятиями «чувство места» и «идентичность с местом». «Чувство места» характеризует место как локус «личных чувств», «идентичность с местом» отдает предпочтение коллективным смыслам, приписываемым местам (бренды, политика, фестивали и т.д.) [4, с. 1].

«Идентичность с местом» имеет ряд следующих особенностей [2, с. 21–23]. Являясь социальным конструктом, основывается на социокультурных особенностях места. На базовом уровне местам дается название, им приписываются различные качества, чтобы отличать от других мест. Места могут потерять свою идентичность, когда становятся неотличимой частью большего целого. Операционализация руральности как социального конструкта приводит к тому, что исследователи пытаются понять, как определенные места, объекты, традиции, обычаи и люди идентифицируются как сельские; и как эта идентификация влияет на образ жизни людей.

«Идентичность с местом» основана на характеристиках места. Актеры часто пытаются выразить истинную природу или сущность места посредством отличительных признаков, связанных, например, с естественной или искусственной средой места. Эти отличительные черты часто называют маркерами идентичности места. Мы используем категорию «место», чтобы различать, например, «мы / они», «внутри / снаружи», «центр / периферия» и т. д. Более того, место заставляет нас делать интерпретации, и мы действуем на основе этих интерпретаций. Иными словами, идентичности обычно конструируются путем противопоставления «я / другой» и сравнения различий мест; отличие сельскости в значительной степени связано с ее оппозиционным положением по отношению к городскому.

«Идентичность с местом» включает в себя историю места. Прошлое играет важную роль в атрибуции идентичности, присвоение которой обусловлено ностальгией, интерпретацией сути места и коннотациями идеального пространства. Создание значений места означает «живую» практику места, которая объединяет память, «общие знания» и социально-экологические отношения во множестве повествований [5, с. 43]. Коммодификация и продвижение выбранных идентификаторов места могут предполагать представление частичной истории, замалчивание определенных групп и событий. В некоторых случаях это происходит, чтобы стимулировать культурную или туристическую деятельность.

«Идентичность с местом» является дискуссионной, но не обязательно оспариваемой. Общество состоит из разных действующих лиц с разны-

ми целями, которые приписывают разные идентичности местам. Подобная идентичность открыта для дискуссий, характеризуется определенным контекстом. В широком смысле существуют два основных контекста места: пространственные или локальные характеристики; социокультурные аспекты, представленные доминирующими нормами и ценностями места. Эта черта показывает, что «идентичность с местом» может быть включающей, так и исключаяющей. Например, вследствие приписывания идентичности месту, оно становится в некоторой степени замкнутым. В результате, другие места исключаются из такой идентичности. Таким образом, установление «идентичности с местом» является частично процессом исключения.

Идентификация с местом является постоянным процессом. Идентичности места развиваются, конструируются и реконструируются. Со временем этот процесс идет по определенному пути, часто состоящему из «маркеров идентичности», характерных объектов и событий.

Эти характеристики «идентичности с местом» указывают, что места и социальные отношения внутри мест не являются статичными, не имеют единой, уникальной идентичности, скорее, обладают множественными идентичностями, которые изменчивы, субъективны и всегда открыты для оспаривания. Аналогично, места идентифицируются по-разному, потому что имеют разные значения, приписываемые разными людьми с различными целями. Идеализированные (и гомогенизированные) конструкты привлекательных, ностальгических представлений о сельской местности стратегически создаются и поддерживаются застройщиками, предпринимателями и местными органами власти, которые хотят продвигать определенные места.

Сельская идентичность формируется не только коллективным чувством сходства, но и посредством маргинализации, конструирования образа «другого». Бинарная оппозиция «сельское vs городское» эвристична для теоретизации руральности и сельской идентичности. Указанная дихотомия помогает индивидам формировать сельскую идентичность, дистанцируясь от города и заявляя о себе как о подлинном сельском жителе посредством потребления и производства сельского пространства [3]. Коннотации подлинности и /или натурализма в отличие от современности и «неестественности» городских жителей являются маркерами сельской идентичности. Сельские жители, для которых не видима бинарная оппозиция «сельское vs городское», могут отождествлять себя с городским пространством [3]. Идентификация определяется различными пространствами, в которых человек взаимодействует. Поэтому, хотя некоторые сходства в сельской идентичности могут быть обнаружены, нужно помнить, что нет единой сельской идентичности, а также, что она не может быть обобщена [1].

Таким образом, руральная идентичность, будучи по своей сути «идентичностью с местом», может быть определена как совокупность эмоций, чувств, смыслов, которыми наделяется значимое для самоопределения индивида место; она связана с чувством укорененности, привязанности

к сельской местности как месту проживания или происхождения, т.н. пространственной принадлежностью. В конечном итоге, эмоциональная связь и чувство принадлежности к месту развиваются и обретают контуры «идентичности с местом», описывающей многомерные отношения людей с местами.

Статья выполнена при поддержке РФФИ, проект № 19-011-31356 «Развитие сельских местных сообществ: потенциал политики идентичности в условиях неоднородности социально-экономического и социокультурного пространства региона».

The article was supported by the Russian Foundation for Basic Research. Project №19-011-31356 «Development of rural local communities: the potential of identity politics in the context of heterogeneity of socio-economic and socio-cultural space of a region».

Библиографический список

1. Cloke P., Little J. Conclusion: marginality and rural others // *Contested countryside cultures. Otherness, marginalisation and rurality*. London: Routledge, 1997. P. 272 –285.
2. Huigen P., Meijering L. Making places: a story of De Venen // *Senses of Place: Senses of Time*. Ashgate: Ashgate Publishing, 2005. P. 19-30.
3. Leyshon M. The struggle to belong: young people on the move in the countryside // *Population, Space and Place*. 2011. Vol. 17. P. 304-325.
4. Mayes R. Doing cultural work: local postcard production and place identity in a rural shire // *Journal of Rural Studies*. 2010. № 26. P. 1-11.
5. Panelli R., Allen D., Ellison B., Kelly A., John A., Tipa G. Beyond Bluff oysters? Place identity and ethnicity in a peripheral coastal setting // *Journal of Rural Studies*. 2008. Vol. 24. №1. P. 41–55.
6. Pini B., Branth B., Little J. Introduction // *Feminisms and Ruralities*. London: Lexington Books, 2015. P. 1-12.

V. ETHNIC-CULTURAL PRINCIPLES AND VALUES IN FORMING PERSONAL IDENTITY

CULTURAL VALUES IN THE DEVELOPMENT OF AN INDIVIDUAL ETHNIC IDENTITY

V. N. Goncharov

*Doctor of Philosophical Sciences,
assistant professor,
North Caucasus Federal University,
Stavropol, Russia*

Summary. A certain ethnoculture represents organic integrity. In its foundation there are cultural universals that create an integral generalized image of a human world. This image of the human world includes axiological components, identification of which provides an opportunity to study a normative and value side of ethnic tradition.

Keywords: personality; culture; education; ethnocultural traditions; ethnic identity; social identity.

A cultural value of ethnic identity is significant to the person's self-realization, which is a result of the person's education in a particular ethnic group. The acceptance of self-conscious needs by individuals is a prerequisite for the formation of the personal values [12, p. 282–284]. Personal values are both sources and carriers of meanings important for an individual. Consequently, system of values are a significant psychological component in the structure of ethnic identity, a mechanism of personal growth and self-actualization. They are a developing dynamic system [16, p. 241]. When an individual masters his ethnic identity, there is a process of reflexive activity, during which contexts and sense contacts are restored [2, p. 142–145]. Such mastery is both understanding of the ethnocultural tradition within which a subject is located and self-understanding of that subject. Self-understanding in its turn involves understanding of the system of values, vital aims, motives of behavior, ways of action towards others. Self-understanding of ethnic identity is individual's mastering of the normative and value potential of ethnocultural tradition and construction of their own meanings within this tradition, that is, formation of a value-normative level of ethnocultural traditions; a level of commonality that characterizes the tradition; self-perception [15, p. 82–89].

The person is most clearly aware of his ethnic identity in the multicultural environment [5, p. 139–144]. Ethnodifferentiating signs are mother tongue, culture, religion, national character, emotional-value relations. In the evolutionary development, mankind has gradually developed awareness of common origin, concepts of homeland, ancestors, cultural differences, religious views [9, p. 29–31].

Ethnic identity allows a person to realize his identity with a group, his uniqueness, distinctive signs from both his group and someone else. Communicating with a foreign group gives importance of ethnicity, its role in human life and activity. [8, p. 37–40]. Ethnic identity develops ethnic selfconsciousness and ethnic status. Thus, ethnic identity means a lot in the formation of an individual and performs a number of necessary functions: it is a guideline in the world, sets public life goals [10, p. 17–20].

A person always aims for a positive identity. The formation of a positive identity involves comparing of one's group with others, and such comparison also affects the balance of human's judgment about the world. The nature of identification is influenced not only by conscious and subconscious factors, but also by unconscious components of the psyche [3, p. 80–85]. In the process of cognition of a person's place in the social world, a question of identity as belonging to many groups is solved, following the hierarchy of groups that has developed both in the human ideas and in the public consciousness [6, p. 18–22].

The formation and manifestation of ethnic identity (including countless circumstances of individual human life) is influenced by a number of factors related to the peculiarities of social environment and intergroup relations [13, p. 73–78]. Among them are global changes in the socio-political sphere, heterogeneity or homogeneity of the ethnic environment.

Knowing of people of their ethnicity is greatly influenced by where people live: in a multi-ethnic or mono-ethnic environment. In the process of inter-ethnic communication, a person is given more opportunities to acquire knowledge about the peculiarities of his or other ethnic groups; inter-ethnic understanding and communication skills are being developed [4, p. 118–124]. If there is no experience of such communication, there is a weak predisposition to such contacts on the one hand, and there is a weak interest to one's own ethnicity on the other hand. Cultural-value orientations influence the formation of ethnic identity [1, p. 83–86]. Both a moderate positive correlation and a weak positive correlation can be noticeable.

If there is a moderate positive correlation between cultural-value orientations and components of ethnic identity, cognitive component of ethnic identity and cultural-value orientations, affective component of ethnic identity and cultural-value orientations, it can be said that members of this nation value their culture, traditions and customs, language, religion [14, p. 39–44]. They fully identify themselves with their ethnicity, realize that they have qualities typical for members of the given nation.

If there is a positive weak correlation between cognitive component of ethnic identity and cultural and value orientations, affective component of ethnic identity and cultural and value orientations, members of the given nation connect themselves to their ethnicity, but they forget about many of their traditions and customs, because values change in the modern world. This is, in this case, a crisis of social identity that manifests itself in the loss of a link

between positive ethnic identity and ethnic tolerance underlying balanced and consistent social identity [11, p. 396–402].

The more a person will observe the characteristics inherent in his culture, such as language, religion, traditions, customs, values and norms, lifestyle, the more he will have an ethnic identity. One can say that cultural and value orientations influence the formation of the ethnic identity of the individual [7, p. 123–128].

Bibliography

1. Бакланов И.С. Социокультурное и коммуникативное наполнение понятия рациональности в современной социальной философии // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. - 2011. - № 5. - С. 83-86.
2. Бакланова О.А. Методологические измерения социальности в современной социально-теоретической рефлексии // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. - 2013. - № 2. - С. 142-145.
3. Болховской А. Л., Говердовская Е. В., Ивченко А. В. Образование в глобализирующемся мире: философский взгляд // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2013. - № 5. - С. 80-85.
4. Говердовская Е. В., Добычина Н. В. Взаимные референции между реальным и виртуальным пространством: новая коммуникационная среда // Социально-гуманитарные знания. - 2014. - № 7. - С. 118-124.
5. Деркачев Г.И., Бакланов И.С. Проблемы и истоки легитимации власти в современной России // Социально-гуманитарные знания. - 2009. - № 9. - С. 139-144.
6. Ерохин А. М. Религиозное сознание в контексте общественных отношений // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2015. - № 2 (81). - С. 18-22.
7. Ерохин А. М. Научно-информационный аспект исследования социокультурного развития общества в области культуры и искусства // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2015. - № 2. - С. 123-128.
8. Камалова О.Н., Джиоева Д.А. Перспективы развития сенсорных технологий и проблема расширения чувственных возможностей человека // Северо-Восточный научный журнал. - 2011. - № 1. - С. 37-40.
9. Камалова О. Н. «Созерцание» в философско-культурологических построениях И. Ильина // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2012. - № 6. - С. 29-31.
10. Колосова О. Ю. Синергетические аспекты развития современного общества // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2012. - № 4. - С. 17-20.
11. Колосова О. Ю. Информация в системе управления: социальный аспект // European Social Science Journal. - 2013. - № 12-2 (39). - С. 396-402.
12. Лобейко Ю. А. Социальная активность личности в обществе: социально-педагогические аспекты формирования // European Social Science Journal. - 2014. - №7-2 (46). - С. 282-284.
13. Лобейко Ю. А. Социально-психологические проблемы общения в контексте межличностных общественных отношений // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2015. - № 4. - С. 73-78.
14. Матяш Т.П., Несмеянов Е. Е. Православный тип культуры: идея и реальность // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2015. - № 3 (82). - С. 39-44.
15. Месхи Б.Ч., Несмеянов Е.Е. Теология или лженаука: что на самом деле разрушает отечественное образование // Гуманитарные и социальные науки. - 2014. - № 4. - С. 82-89.

16. Микеева О. А. Анализ методологии и направлений исследований современной социальной реальности // Социально-гуманитарные знания. -2009. - №9. - С. 241.

VI. DEVELOPMENT OF ETHNIC AND PERSONAL IDENTITY IN THE CONTEXT OF INTERCULTURAL EXCHANGE

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭВОЛЮЦИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

О. М. Болдырева

В. Н. Плеснякова

*Кандидат исторических наук,
доцент кафедры юриспруденции,
кандидат политических наук,
заведующая кафедрой юриспруденции,
Елецкий филиал,
Российский новый университет,
г. Елец, Россия*

Summary. The most large-scale political and cultural phenomenon of the second half of the XX – beginning of the XXI century is the process of European integration. This process is possible only between elements that have a common cultural and historical basis. The article analyzes and substantiates the cultural identity of the European civilization that evolved into the European Union.

Keywords: European identity; European integration; globalization; culture; Jean Monnet.

Процессы, идущие во всепланетарном масштабе, свидетельствуют, что современная цивилизация вступает в качественно новую фазу своего развития. И наиболее масштабным и значимым политико-культурным феноменом второй половины XX – начала XXI века является процесс европейской интеграции.

Не подлежит сомнению, что западный мир выработал некоторые базовые принципы, имеющие универсальную ценность для всех без исключения стран современного мира. Всюду, так или иначе, приживаются внешние атрибуты евроцентристской цивилизации: стиль одежды, марки автомобилей, музыка, единый научный и компьютерный языки и т.д. Проявляющаяся в разных формах, безусловно, всеобщая и едва ли обратимая, тенденция приобщения к тому, что называется цивилизацией, в конечном счете, оказывается приобщением к европейскому образу жизни и мысли. Однако вместе с тем на примере своей истории западный мир показывает, что подлинная интеграция, не подчинение одних звеньев другим, частей целому, а объединение равноправных членов, возможно лишь между элементами, имеющими общую культурную и историческую основу.

Люди как носители определенной культуры не способны опираться на те ценности, которые имеют статус общезначимых, глобальных, если не находят им подкрепления в своей традиции, своем опыте. Можно предпо-

ложить, что стремление к глобальному взгляду на мир во многом обусловлено всепоглощающей открытостью европейского разума и его готовностью вместить всю полноту данного человеку в опыте. Именно европейцы первыми научились вмещать все иные культуры, попадающие в поле их зрения, и в этом, пожалуй, остались единственными.

Нельзя не заметить, что сама европейская цивилизация является неким сплавом, вобравшим в себя элементы различных цивилизаций и культур, таких как античная Греция и Рим, древняя Персия и средневековый арабский Восток.

Современная цивилизация представляет собой органическое сочетание единства и неделимости мирового сообщества, с одной стороны, и разнообразия центров, народов, культур, религий – с другой. Заимствуя друг у друга на протяжении многих веков различные технологии, европейские народы вместе с тем сохранили свою национальную идентичность. Именно это дало им возможность быть членами единой европейской цивилизации, представляя одновременно французский, итальянский, испанский, и другие народы, каждый из которых внес свой особый, уникальный вклад в общее дело. Каковы же истоки подобной «многогранной монолитности» европейских стран, что позволяет объединить несколько государств не только географическим, но и общественно-политическим, экономическим и культурным понятием «Европа»?

Необходимо признать, что географический фактор сыграл далеко не последнюю роль в процессе зарождения и становления общеевропейской цивилизации. Компактная и густонаселенная территория создала все необходимые предпосылки для активного взаимодействия и взаимопроникновения нескольких культур. В определенных точках это проникновение было настолько глубоким, что французская Аквитания, например, со временем стала более Испанией, нежели Францией, а Эльзас и Лотарингия утратили в глазах окружающего мира свою сколько-нибудь определенную национальную и территориальную принадлежность.

В Европе еще в X–XII вв. на волне массового перемещения людей и ценностей в ходе крестовых походов, так же как и сейчас велись разговоры о новом мировом порядке. В XIII в. стало явно заметным истощение прежнего духовного порыва, кризис ожиданий, связанных с деятельностью крестоносцев, сопровождавшейся обратной волной культурной экспансии – культурной диффузией, вызванной привнесением в европейский круг «восточного наследия». То же относится к Реконквисте, и к обретению Западной Европой в начале XIII в. «наследия византийского».

Долгое время Европа была доминирующим центром культурного, экономического, политического развития. Именно в ее недрах сложился классический феодализм, эстетическим идеалом которого (если отстраниться от всего негативного) стали французский рыцарь и испанский гранд. В Европе получил свое развитие капитализм, сложилась основа современного демократического общества – «третье сословие». Питательная

среда капитализма складывалась еще в контексте финансовых схем и трофейной экономики крестовых походов, преимущественно в приморских ареалах Европы. Его родовые гнезда – это, прежде всего Север Италии: Ломбардия, Тоскана, Венеция, а также побережье Северного моря: города Ганзейского союза, Антверпен, позже-Амстердам. Духовным же источником капитализма стали, по-видимому, разноконфессиональные, но единые в своей основе гностические ереси. В этот период секты и ереси активно зарождаются и распространяются в европейском регионе: от павликан и богомилов к патаренам и альбигойцам. Это также рыцари-тамплиеры, активно занимавшиеся финансовой деятельностью, сама система организации которых является прообразом современных транснациональных корпораций. Классический образ «строителя капитализма» дала протестантская этика, тоже первоначально питаемая еретическим движением.

Распространение этого нового набора ценностей, преодолевавшее границы отдельных государств, сопровождали серьезные изменения в демографической и социальной структуре большинства европейских государств. Возрос темп урбанизации и доля лиц наемного труда. Это создало новую политическую силу, состоящую из людей, почти полностью отрешенных от благ экономического роста: экономически они испытывали жестокую нужду, они были изгоями в обществе и не имели голоса в политических процессах. Именно этот многочисленный слой людей стал основой и причиной изменения социально-политического облика Европы нового времени.

Важно отметить, что при некоторых (вполне естественных) политико-экономических различиях, страны Европы слишком часто удивляли окружающий мир синхронностью и сходством происходящих в них исторических событий, чтобы можно было говорить об отсутствии между ними внутренней, надэкономической и надполитической связи. Именно она и обусловила появление таких единовременных процессов и явлений как европейский Ренессанс, европейское Просвещение, или, касаясь новейшей истории – национал-фашистская идеология. Несомненно, фашизм был, прежде всего, реакцией на сложившиеся общественно-экономические условия жизни. Но вместе с тем, практически одновременное появление и молниеносное распространение одной идеологии на большей части территории Европы требовало более глобальных причин, чем неудовлетворенность существующим порядком вещей.

С определенной долей уверенности можно предположить, что глубинной подоплекой этого процесса (а равно и многих других) явилась некоторая культурно-историческая тождественность европейских народов, возможно сохранившаяся в их исторической памяти со времен империи Карла Великого, возможно, сложившаяся незаметно для них самих за долгие века параллельного развития.

Вместе с тем, нельзя забывать, что Европа не есть будущее всего мира. В мире много государств и они сохраняют разнообразие, как в своем

нынешнем устройстве, так и в общих траекториях жизненных циклов. Европу ничто не подталкивает к образованию политического единства. Она скорее может вернуться к политическим образованиям, напоминающим, хотя и в более сложной форме, те, что существовали в раннефеодальные времена. В ее рамках существуют различные политические институты, и она включает в себя державы различных потенциалов.

Прежде чем превратиться в реальный политический проект и стать целью правительственной политики, европейская идея долгое время оставалась ограниченной кругом философов и мечтателей. Идея создания «единой Европы» имеет многовековую историю. Однако, вплоть до середины XX века, проекты объединения Европы не были воплощены в жизнь [3].

Побудительным фактором развития объединительных процессов в западной части Европы стала потребность сообща решать проблемы, вставшие перед западноевропейскими странами после окончания Второй мировой войны. Особую остроту приобрели три проблемы: экономическая, военная и гуманитарная (проблема защиты демократии и прав человека).

Если после Первой мировой войны аналогичные проблемы государства Европы пытались разрешить самостоятельно (и, как оказалось, малоуспешно), то теперь было решено пойти иным путем – путем международного сотрудничества в рамках специально созданных интеграционных организаций [4].

Именно в таких условиях была создана новая концепция интеграции. Это был знаменитый «план Шумана», подразумевавший наднациональное объединение угольной и сталелитейной промышленности Франции и Германии. Автором и вдохновителем этого плана стал Комиссар французского планирования Жан Монне. «Идея не сразу обрела нужные формы. Решение было найдено скромным предпринимателем, который ненавидел политику и пышность власти. Его звали Жан Монне. Он придумал систему, которая вплоть до Маастрихтского договора являлась определяющей в европейской структуре: отказ от символов и замена политики экономической солидарностью» [1].

В ходе Первой мировой войны Монне открыл средство развития международного сотрудничества не через традиционную дипломатическую систему договоров и компромиссов между национальными интересами, но через согласованную деятельность, исходя из общего интереса и с точки зрения общего решения. Это стало своего рода, по выражению Э. Бжэля, «коперниковской революцией» в международных отношениях [6]. Анализируя работы и выступления Ж. Монне нельзя сказать, что он всегда мечтал о создании единой Европы, тем не менее, в начале 40-х гг. он часто задумывался о ее послевоенной судьбе. Наблюдая за развитием событий и предвидя близкий конец войны, Жан Монне отмечал, что «необходимо предусмотреть меры, которые помешают европейскому континенту впасть в хаос и заложат основы его восстановления» [8].

Тесно связывая судьбу Европы и своей страны, Монне отмечал, что «...Франция, единственная из союзников – европейская страна. Другие – англичане, американцы, русские имеют свои жизненные пространства, в которых они могли бы существовать. Франция связана с Европой и не может уйти из нее. От решения европейской проблемы зависит жизнь Франции...» [8]. Вместе с тем, он фактически наделил ее мессианскими функциями: «...Без эффективного участия Франции в восстановлении мира в Европе, мы получим только анархию... В Европе освобожденной, где Германия и Италия будут ослаблены, Франция станет первой континентальной великой державой. Ее историческое прошлое, ее демократические традиции приведут к тому, что Европа будет смотреть на нее и ждать надежды. ... только из Франции может прийти концепция нового европейского порядка...» [8].

Монне был свидетелем ряда неудачных попыток интеграции Европы и пришел к выводу, что идея создания полного институционального здания единовременно, является неосуществимой мечтой [5]. При попытке ее воплощения, государства оказали бы такое ожесточенное сопротивление, что инициатива оказалась бы обреченной на неудачу. Успеха можно было добиться лишь в том случае, если бы удалось наметить несколько конкретных целей, имеющих огромное психологическое значение, а также выработать механизм принятия решений, действие которого постепенно можно было бы распространить и на другие области. Эта мысль и была положена в основу «метода Монне» [2] – основополагающих принципов западноевропейской интеграции, результатом которого стало подписание 18 апреля 1951 г. Договора о создании Европейского Сообщества (Объединения) угля и стали – первого европейского объединения и своеобразного «полигона» европейской интеграции.

У единой Европы было много духовных отцов, но именно Ж. Монне вошел в историю как основатель институтов, творец метода передачи и даже слияния суверенитетов. С созданием ЕОУС появился новый вид международного сотрудничества, выходящий далеко за рамки обычных дипломатических отношений и ведущий к дальнейшему объединению национальных государств.

Дальнейшая история европейской интеграции стала наглядным примером того, как Европа путем проб и ошибок шла к своему экономическому и политическому единству, дополняя тем самым уже имеющееся единство культурное.

Для чего собственно объединяется Европа? Реальных предпосылок для такого объединения, конечно немало, но одна из основных – исправление тех исторически сложившихся недостатков, которые долгое время ослабляли европейские страны в их противостоянии окружающему миру. Этому способствует и процесс глобализации. Он обуславливает смену идентичности, но не позволяет забывать, что эта смена может быть болезненной и даже опасной. Опасной является утрата идентичности, влекущая

за собой ценностную деструкцию, рассогласование ценностей или их утрату, а также попытку конструирования искусственной идентичности. Быстрый разрыв с традиционной локальной идентичностью в отсутствие культурного образца может привести к созданию неких культурных монстров как образцов идентичности. В подобной ситуации остается надеяться, что богатая своими культурно-историческими традициями современная объединенная Европа не превратится в аморфное, безликое образование, но соединит в себе наилучшие качества и характерные черты европейских народов.

Библиографический список

1. Артемов В.А. Европейская интеграция: история и современность. - Воронеж, 1999.
2. Болдырева О.М. Жан Монне. У истоков единой Европы. Монография. – Елец: ЕГУ им.И.А.Бунина, 2008. С.156.
3. Борко Ю.А. От европейской идеи к единой Европе. - М., 2003.
4. Куклинский Ю.М. Основные этапы интеграции государств Европейского Союза. – М., 1999.
5. Монне Ж. Реальность и политика. - М., 2001. .
6. Vjol E. La France devant l'Europe. La politique européenne de la IV République. - Copenhague, 1966. .
7. Girault R. Les décideurs français et leur perception de la puissance française en 1948 // La puissance française en question (1945-1949) / Prés. par Girault R., Frank R. - Paris., 1988.
8. Note de reflexion de Jean Monnet. Alger, le 5 août 1943. <http://www.let.leidenuniv.nl/history/rtg/res1/monet.html>

**ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ ВУЗАМИ
РОССИИ, АЗЕРБАЙДЖАНА, АРМЕНИИ, БОЛГАРИИ, БЕЛОРУССИИ,
КАЗАХСТАНА, УЗБЕКИСТАНА И ЧЕХИИ НА БАЗЕ
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»
В 2019 ГОДУ**

Дата	Название
5–6 октября 2019 г.	Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований
12–13 октября 2019 г.	Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития
13–14 октября 2019 г.	Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях
15–16 октября 2019 г.	Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия
17–18 октября 2019 г.	Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации
20–21 октября 2019 г.	Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
25–26 октября 2019 г.	Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов
28–29 октября 2019 г.	Наука, техника и технология в условиях глобализации: парадигмальные свойства и проблемы интеграции
1–2 ноября 2019 г.	Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия
3–4 ноября 2019 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования
5–6 ноября 2019 г.	Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы
7–8 ноября 2019 г.	Классическая и современная литература: преемственность и перспективы обновления
15–16 ноября 2019 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2019 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2019 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему
1–2 декабря 2019 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2019 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2019 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ

Название	Профиль	Периодичность	Наукометрические базы	Импакт-фактор
Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера»	Социально-гуманитарный	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Directory of open access journals (Швеция), • Open Academic Journal Index (Россия), • Research Bible (Китай), • Global Impact factor (Австралия), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • International Society for Research Activity Journal Impact Factor (Индия), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия), • Universal Impact Factor 	<ul style="list-style-type: none"> • Global Impact Factor – 1,721, • РИНЦ – 0,107.
Чешский научный журнал «Paradigmata poznání»	Мультидисциплинарный	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия) 	<ul style="list-style-type: none"> • Global Impact Factor – 0,915
Чешский научный журнал «Ekonomické trendy»	Экономический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • General Impact Factor (Индия) 	
Чешский научный журнал «Aktuální pedagogika»	Педагогический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США) 	
Чешский научный журнал «Akademická psychologie»	Психологический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США) 	
Чешский научный и практический журнал «Sociologie člověka»	Социологический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США) 	
Чешский научный и аналитический журнал «Filologické vědomosti»	Филологический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США) 	

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- учебные пособия,
- авторефераты,
- диссертации,
- монографии,
- книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
или в России
(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок),
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- присвоение ISBN,
- печать тиража в типографии,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору.

Возможен заказ как отдельных услуг, так как полного комплекса.

**PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- training manuals;
- autoabstracts;
- dissertations;
- monographs;
- books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic
(in the output of the publication will be registered
Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
or in Russia

(in the output of the publication will be registered
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

We carry out the following activities:

- editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors),
- making an artwork,
- cover design,
- ISBN assignment,
- print circulation in typography,
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic,
- sending books to the author by the post.

It is possible to order different services as well as the full range.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Russian-Armenian University
Kuban State Technological University
Kuban State University
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

ETHNOCULTURAL IDENTITY AS A STRATEGIC RESOURCE OF CONSCIOUSNESS OF SOCIETY IN THE CONDITIONS OF GLOBALIZATION

Materials of the VII international scientific conference
on September 28–29, 2019

Articles are published in author's edition.
The original layout – I. G. Balashova

Podepsáno v tisku 1.10.2019.
60×84/16 ve formátu.
Psaní bílý papír. Vydavate llistů 3,7.
100 kopií

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
Identifikační číslo 29133947 (29.11.2012)
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika
Tel. +420773177857
web site: <http://sociosfera.com>
e-mail: sociosfera@seznam.cz